

Геннадий Опарин

Выход из леса

Проект «ГиперСибирь»

16+

Геннадий Опарин

**Выход тигра. Проект
«ГиперСибирея»**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Опарин Г. Н.

Выход тигра. Проект «ГиперСибиря» / Г. Н. Опарин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Молодой спортсмен, призывается в армию и направляется на службу в Афганистан, где участвует в жестоких боях и теряет лучших боевых друзей, а вернувшись на родину, обнаруживает, что жизнь резко изменилась и проходит по иным правилам и законам. Помимо воли, он втягивается в бандитские разборки своих дворовых друзей и принимает участие в ограблении особняков крупных финансовых мошенников. В попытке разобраться в ситуации, бросает все самое дорогое и уезжает в тайгу на далекий север, где умирающий старец оставляет ему рюкзак с золотыми самородками и секретную карту.

Содержание

Путешествие в Гиперсибирею.	5
Сибирь	5
Встреча со старым вороном.	7
Леший.	9
Гиблое место.	11
Гроза.	14
Встреча с духом атеков.	15
Роковой выстрел.	18
Схватка с медведем.	27
Невидимая реальность.	40
Утиная охота.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Путешествие в Гиперсибирию.

Сибирь

Одинокий орел парил высоко в небе. Круг за кругом неспешно облетая свои бескрайние угодья.

Дремучие дебри сибирской северной тайги темно-зеленым океаном чуть колыхались под ним и, вздыбленные крутыми волнами холмов, уходили в дальние дали, где в сизой дымке горизонтов вливались в бездонные глубины небес. Нигде и ничему здесь не было пределов.

Незыблемой мощью и вечностью веяло от необъятности просторов исполинских хвойных лесов, посеребренных благородной проседью веков. Казалось, боги оставили эти первозданно-девственные земли себе для отдыха и раздумий, и ничто не могло нарушить их священного покоя.

Дикая тайга, словно сказочное существо, чуть шевелилась под порывами ветров, дышала белесыми туманами падей и с печальной мудростью вглядывалась в небесные выси голубыми глазами озер. Ее непроходимые кущи от одного горизонта до другого извилистыми змейками разрезали небольшие таежные речки, причудливо петляющие среди задумчивых сопок и глухих лесных чащоб. Было неясно, откуда и куда несут они свои холодные воды, безмолвно унося эту тайну с собой за далекие горизонты. Растущие по их берегам лиственные деревья и кустарники уже оделись в яркие желто-багряные осенние наряды и с высоты птичьего полета пестрыми лентами выделялись на фоне сумрачных хвойных лесов.

На одном из берегов зоркий взгляд орла выхватил одинокую фигуру странника, бредущего на север в самые заповедные таежные угодья, которые он прячет от не прошеных гостей за непролазными буреломами и непроходимыми топями болот.

Что ищет этот угрюмый пилигрим вдали от людей, какой неодолимый рок влечет его навстречу суровым испытаниям, откуда немногим удавалось вернуться назад.

Неожиданно орел заметил серую тень волка, мелькнувшую под мохнатыми кронами деревьев, который преследовал человека. Выскочив на открытое место, огромный волчище поднял голову и пристально поглядел на орла; на мгновение взгляды двух грозных хищников земли и неба встретились, изучая друг друга. После чего, волк окончательно растворился среди густых зарослей, а орел продолжил дальше кружить над тайгой, успокоенный, что теперь человек не уйдет далеко от этих мест.

А ни о чем не подозревающий путник, продолжал все дальше углубляться в лесные дебри, полностью погруженный в свои мысли. На нем была просторная брезентовая куртка защитного цвета, такие же штаны, заправленные в растоптанные сапоги и, выдавший виды, потертый рюкзак за спиной. Большой двустольный карабин на плече делал его похожим на охотника, но отсутствующий взгляд, будто обращенных в себя светлых глаз говорил, что это не так. При ближайшем рассмотрении, его можно было бы назвать даже красивым, если бы не многодневная грубая щетина на щеках и угрюмое выражение лица.

Беспечный бродяга – ветер беспорядочно разбросал его русые волосы по лицу, на котором лежала печать душевной муки и раздумий. Он упорно продвигался в глубь тайги, входя в нее, как в священный храм без стен и потолков, где исчезают незримые границы между мирами, и растения, словно добрые духи земли, открывают свои сокровенные тайны людям, и становятся понятны их негромкие голоса среди шелеста листвы, и, кажется, сама мать-природа чуткими глазами полевых цветов заглядывает в наши глаза, чудотворно исцеляя душевные раны.

Ранняя осень грустно сопровождала Павла, прощально шелестя сухой листвой под ногами, тогда как весь лес, будто замер в тревожном ожидании зимы, и лишь заветные березки

еще приветливо махали золотистой листвой ему свысока, но за их редееющими кронами уже проступали мохнатые лапы сосен и елей. Особое очарование витало в этом хрупком равновесии природы. Только неугомонный ветер все пробовал заиграть с Павлом, внезапно налетит, обдав осенней прохладой, взъерошит волосы и умчится прочь в высокие кроны, щедро осыпав вихрем листопада.

Но обманчива красота таежных лесов. То и дело Павлу приходилось продирается сквозь колючие заросли кустарников, обходить завалы из сухого валежника и преодолевать бесчисленные заболоченные протоки ручьев. Одно согревало сердце, где нет дорог, не должно быть и тупиков.

Из зарослей он вышел на открытый берег реки. Внимание привлекло стоящее на самом краю берега реки чахлое, согнутое ветрами сухое деревце, своим видом напоминавшее глубокого старца, в задумчивости вглядывающегося в свои невидимые дали. Отставшая клочьями кора и беспорядочно наросшие лишайники походили на лохмотья пообносившейся от долгих скитаний одежды, что, казалось, это чья-то заблудшая душа доживала здесь свой нелегкий век.

Подойдя к реке, Павел посмотрел вдоль ее открытой глади, пытаясь определить дальнейший маршрут, и с досадой обнаружил, что впереди река делала крутой поворот, огибая, будто из-под земли, выросшую на ее пути огромную сопку.

«Так вот, что остановило здесь старца», – мимолетно подумал Павел, напряженно решая каким путем следовать дальше.

К вечеру он надеялся добраться до заброшенной заимки, но теперь ему было необходимо было преодолеть эту сопку, отроги которой тянулись далеко в обе стороны, утопая в лесах, и неясно было, где их конец. Как-будто сама земная твердь вздыбилась перед ним, перекрывая все проходы в таинственную гиперсибирею. У подножия сопку окружали густые заросли, но ближе к вершине лес редел, и на самом ее верху виднелись лишь отдельно стоящие сосны, да в лощинах прятались отары кучерявых кустарников.

Долгим взором оглядев нежданную преграду, Павел наметил наиболее удобный подъем и перед восхождением решил устроить последний привал. Для отдыха он выбрал возвышенную площадку перед сопкой, окруженную стайкой белоствольных берез. Они неодолимо манили к себе, словно веселый девичий хоровод посреди суровой тайги.

Поднявшись на полянку, он невольно замер, очарованный ее одухотворенной красотой. Как мохнатые медвежата, разбежались по ней молодой ели, украшенные на концах пушистых лапок нежно-зелеными кисточками свежей хвои. Вся поляна играла в лучах солнечного света, пронизанная со всех сторон янтарным свечением, отражающимся от ярко-желтой листвы окружающих берез. И послышалось Павлу в легком завывании ветра: «Созерцание есть безмолвная молитва». Так природа начинала открывать ему свои тайны, а значит начинало осуществляться то, зачем шел он в эти заповедные места.

Окончательно заблудившись в жизни и бросив все, он приехал в эти северные края за мудростью к поселившемуся здесь пророку. Внимательно изучив Павла, пророк согласился открыть ему самые сокровенные тайны мироздания и даже потаенный смысл бытия, но прежде направил в путешествие по сокровенным просторам гиперсибиреи, где сами боги через природу могут общаться с людьми. Напутствуя Павла перед опасным путешествием, он сказал напоследок: «Запомни, сын мой, лишь внешние знания познаются холодным рассудком, а мудрость постигается добрым сердцем и душой, поэтому мудрости нельзя научить, ее можно только постичь всей жизнью и всеми силами души. Пойми, для начала, сокровенный язык природы и тогда ты сможешь понять весь мир... весь мир».

Эти напутственные слова из уст пророка до сих пор звучали в нем. Как откровенье: «пойми сокровенный язык природы и ты поймешь весь мир... весь мир».

Встреча со старым вороном.

Злюка – память не давала ему и здесь покоя, безжалостно терзая душу и сердце. Ведь его ангел-хранитель Елена по окончании лесозаготовительного сезона уехала домой, и он искал сейчас в дальнем скитании по диким местам свое последнее спасенье.

При воспоминании об отъезде Елены, будто свет померк вокруг него. Предвидя вечную разлуку, Павел боялся дать волю чувствам. Чтобы хоть как-то отвлечься, он принялся собирать сухие сучья для костра, которые во множестве валялись вокруг него в траве, наломанные ветрами. Когда огонь взялся весело пожирать сухие ветки, и достал из рюкзака подсохшие лепешки и вяленые куски оленьего мяса. Для улучшения вкуса, он на заостренном прутике подержал их над огнем и вскоре будоражащий запах жареного мяса расплылся по округе, щекоча аппетитным ароматом ноздри. Не успел Павел доесть первый кусок, как у него над головой раздалось негромкое хриплое карканье, и с дерева на траву перед ним плавно слетел седой ворон. Настороженно глядя в его сторону, бусинками черных глаз, с явной надеждой поживиться кусочком вкуснейшего мяса. Павел узнал старого ворона и, кинув ему кусок, сам предался спасительному воспоминанию...

Дело было в их таежном поселке прошлой поздней осенью, когда уже последние стылые лужи схватились ночным морозцем, а днем сыпала мелкая колючая пороша. Охотники в последний раз внимательно проверяли свое снаряжение перед зимним выходом в тайгу, а собаки так просто изводились от нетерпения, в предчувствии открытия охотничьего сезона. Да и у самих охотников руки, что называется, чесались. Илья, одиноко живший в своей покосившейся от времени избушке, изрядно принял на грудь и от внезапно нахлынувшего на него непреодолимого желания пострелять, вышел с ружьем на крыльцо. Обводя мутным взором окрестности, он стоял и думал, куда бы ему пальнуть. Поэтому едва завидев пролетающую мимо него ворону, он шарахнул по ней крупной дробью с обоих стволов. Только черные перья полетели от бедняжки в разные стороны, прощально кружась на холодном ветру, а сама ворона безжизненной тушкой упала к его ногам. Бесцельно повертев еще тепленькое тельце в руках и испачкав их несколькими каплями крови, он забросил ее в ближайший ручей.

А на недоуменный вопрос подошедших на звук выстрела сельчан: «Зачем ты убил ворону?»

Запросто ответил:

«А что она тут летает» и пошел спать к себе в избу.

Ночью сильно похолодало. Ручей затянуло коркой льда, через которую чуть просвечивал застывший на дне трупик вороны. А днем в поселок прилетел встревоженный седой ворон. Он беспокойно летал по поселку с громким хриплым криком, как будто звал кого или искал, но к вечеру его тревожное карканье стихло, и все подумали, что ворон улетел восвояси.

Каково же было удивление сельчан, когда утром они увидели этого ворона сидящим на ветке голого дерева, над тем местом у ручья, где лежала подо льдом убитая ворона. Старый ворон нашел-таки свою подругу. Ведь живя по триста лет, вороны выбирают себе подругу раз и на всю жизнь!

Кто теперь мог знать, сколько лет провели они вместе до трагической разлуки. И о чем мог думать старый ворон, несколько дней кряду неподвижно сидя на ветке над своей лежащей подо льдом убитой подругой, о совместно проведенных столетиях или о своей одинокой старости? Людям то знать не дано. Пока они горестно года считают, у него на крыльях седой лежала пыль веков. А может быть, он в последний раз неслышимо разговаривал со своей подругой, вспоминая молодость и прощаясь навсегда. Не так давно ученые, обратив внимание на общение слонов со своими умершими собратьями, при помощи аппаратуры сделали сенсационное открытие: уловили тончайшие импульсы, при помощи которых безутешная слониха

общалась со своим умершим слоником. Причем ответные импульсы от погибшего слоненка к матери исходили еще несколько дней после его смерти.

Велики еще непознанные тайны природы, которые существуют за пределами видимого нами мира.

Заиндевевший от мороза ворон несколько дней неподвижно просидел над своей убитой подругой, не обращая внимания ни на собак, ни на людей, ни на предложенную ему пищу, пока однажды не улетел в неизвестном направлении и больше никто его не видел. А Илья с зимовья после этого так и не вернулся. Его покосившаяся избушка еще долго стояла пустой, потом от чего-то сгорела, и все облегченно вздохнули, огонь он все чистит.

Встретив здесь ворона, словно старого знакомого. Павел размышлял, он и раньше жил в этих краях или, как и он сам, прилетел сюда лечить свои душевные раны? Известно, что вороны, наряду с совами и попугаями, являются самыми умными птицами на земле.

Таежные просторы склоняют к раздумьям. Так и сидели они вдвоем у догорающего костра, Павел, прислонившись спиной к березе, а старый ворон, разделавшись с мясом и почи- стив клюв, расположился над ним на ветке, каждый погруженный в свои думы. А перед ними, за обрывом, расстилались в махровых складках лесов бескрайние дали, украшенные зеркалами потаенных таежных озер, подернутые прозрачной сизой дымкой у горизонтов. Охватывало необъяснимое блаженство от безмятежного созерцания природы. Словно невидимый одухотворенный поток льется прямо в душу и прекрасный образ вечности проступает среди земных картин.

Глядя на мерцающие угли костра, где от толстых веток осталась лишь небольшая кучка пепла, ясно осознаешь, что все живое вокруг состоит из солнечного света, который непостижимым образом сочетает в себе вселенскую мудрость, свет, тепло и материю. Все это колышущееся море лесов пронизано, напоено и состоит из него.

Озаренный этим открытием, Павел посмотрел на ворона, который почему-то настороженно вглядывался в густые заросли, вплотную окружавшие поляну и, вдруг резко замахав крыльями, поднял отчаянный крик.

Леший.

В тот же момент кусты раздвинулись и из них показался страшный зверь в волчьем одеянии. Его массивная голова больше походила на медвежью, а мощное тело заметно превосходило волчьих размеры. В три прыжка он оказался рядом с Павлом и... тот обнял своего серого друга. Некоторое время он молча смотрел в его спокойные серые глаза и, казалось, вот-вот прозвучит знаменитая фраза: «Мы с тобой одной крови, ты и я!»

И это было бы, несомненно верно. Три года назад Павел, после пяти лет службы по охране наших границ в чужой стране, вернулся в свой родной город и с горечью понял, что не там охранял свою Родину. Пока он служил Великой России, вороватая свора все кругом захватила в свои невидимые сети под ритуальный вой черного шабаша. Все, чем жила его душа, было оквернено и втоптанно в грязь, прошлое оболгано, а будущее неясно.

В своей стране он стал вроде иностранца, которому оставалось, забыв про честь и кто он есть на своей земле, идти в наем к новоявленным хозяевам или становиться одиноким волком.

Павел осознавал, что именно подобный путь ему был уготовлен, и шабаш уже повсюду развесил загонные флажки, чтобы в одночасье, припечатав клеймом волка, пустить по его следу прикормленную свору.

После долгих и мучительных раздумий, оставив все самое дорогое позади, с одним рюкзаком за спиной он махнул в тайгу на север, где хотел подлечить израненную душу от потерь, собраться с мыслями и спросить пророка о смысле жизни и России. Он свято верил в свою Отчизну, в веках прославленную Русь, навечно освещенную предвечным светом великих побед и подвигами героев, который льется к нам из глубины веков, как духовное наследие предков, как спасительный луч света во тьме.

Приехав в далекий таежный поселок, Павел с облегчением понял, что не ошибся. Остались еще на его Родине заповедные уголки нетронутые ржой разложения и лжи, где сохранилась та исконная, первозданная Русь, которую он бережно хранил в своем сердце и искал на земле. От исполинских лесных просторов здесь веяло покоем и волей. И пред девственной мощью природы отторгалось все мелочное и суетное, здесь действовали суровые, но справедливые законы. Плохих или плутоватых людишек просто изгоняли прочь, а народная молва гнала их далеко с этих мест, поэтому, уходя из дому, здесь, по-прежнему, никто не запирает дверей. Уезжая сюда на сезон, Павел прикипел всей душой к этим чудным местам и сильным людям, вновь почувствовал себя своим среди своих. Даже когда пил студеной воду из прозрачных родников, ему казалось, что его душа, как из священных источников, насыщается их целебной силой.

Поселившись в оставленной кем-то небольшой избушке на высоком кособоре у реки, Павел одиночеством и природой лечил свои душевные раны. Однажды в поселок приехал охотник с огромной тувинской овчаркой, которая удивляла своими размерами, в любые морозы спала на снегу и никогда не заходила в избу. Она не нашла общего языка с местным кланом охотничьих лаек, а потому, когда в окрестных лесах появился одинокий матерый волк, подстать ей по мощи и размерам, ему удалось сманить ее в тайгу.

Этот волчище с пристальным взглядом серых глаз и посеребренной шерстью на загривке, своим поведением пугал даже местных охотников. Он мог, подобно призраку, внезапно появляться в самых неожиданных местах и бесследно растворяться среди лесных чащоб. Аборигены поговаривали, что это сам властелин здешних мест – Ямбук, обратившись в волчью шкуру, приходил осматривать окраины своих владений.

Как бы то ни было, этого волка в здешних местах никто больше не видел, а вот овчарка через некоторое время брюхатая вернулась в поселок. Ее хозяин, от стыда и досады, был готов на самые крутые меры, тем более, что все охотники напрочь отказались брать щенков от волка

– оборотня. Лучше лайки для охоты в сибирских лесах все равно собаки нет. Павел уговорил хозяина овчарки оставить ему одного щенка, чтобы легче было пережить одиночество и заодно сохранить жизнь живому существу.

Воспитывая этот пушистый серый комочек, он словно вложил в него частицу своей души, может, поэтому они понимали друг друга с полуслова и полувзгляда и никогда не расставались. Даже не видя Лешего, в тайге не признававшего проторенных троп, Павел всегда чувствовал его близкое присутствие рядом.

Свою необычную кличку Леший получил от поселковых охотников за происхождение от серого предка, которая так и прижилась за ним и которой он полностью соответствовал. Если размерами он превзошел даже мать, то повадки сохранил от своего дикого предка: умение незаметно передвигаться по тайге, привычку избегать открытых пространств, а главное, умение принимать самостоятельные и по-волчьи, интуитивно-верные решения. Так вместе с умным и надежным другом Павел получил «свои» чуткие глаза и уши в тайге.

Во всех походах Леший всегда был где-то незримо рядом, безошибочно находя проходы сквозь самые непроходимые чащобы и гиблые топи.

Костер окончательно догорел и, как не жаль было покидать эту приветливую полянку, пора было двигаться дальше – солнце уже подходило к зениту. Павел мысленно поблагодарил ее за гостеприимство; посмотрел на старого ворона, задумчиво сидевшего на ветке. Встретятся ли они еще среди безбрежного океана лесов? Этого он не знал. Как не знал и того, что этот ворон однажды спасет ему жизнь. Но все случится позже; а пока, взлетев на самую верхушку березы, ворон внимательно наблюдал, как Павел с Лешим начали взбираться на сопку.

Подъем давался нелегко, даже Леший, бежавший рядом, свесил на бок свой длинный язык. Павел выбрал наиболее пологий склон, старательно обходя каменный обрывы и предательские сыпи. Чем выше они забирались на сопку, тем реже росли и тоньше становились сосны, а трава постепенно уступала место седым лишайникам и мхам, обильно украшавшими большие камни и стволы поваленных деревьев. Сосны на самой вершине расступились, мхи спрятались по щелям, обнажив каменную почву, ветер усилился, и сопка глухо загудела, как потревоженный улей.

Сибирь распахнула перед Павлом свои вселенские пределы, от необъятности которых кружилась голова. Повсюду, куда хватило взора, разбегались зеленые волны лесов, купаясь в голубоватой дымке туманов, а близлетящие белые облака создавали ощущение полета. Кажется, ветры мироздания пронесли над самой головой и сам Создатель строго взирал с небес на заблудшего сына. Хотелось, презрев законы тяготения, распахнуть руки и вольной птицей воспарить над открывшимся раздольем.

В упоении от нахлынувшей эйфории, Павел, не отрываясь, смотрел на бескрайние лесные доли, словно стремясь навсегда запечатлеть их в своей душе, как художник Шишкин на своем бессмертном полотне «Лесные дали».

Гиблое место.

Тем временем на далеком горизонте показалась темная полоса тяжелых дождевых туч, и сразу же дохнуло порывом влажного ветра.

Грозовые тучи двигались вслед за ними, и нужно было спешить, чтобы успеть до начала грозы добраться до избушки. Павел хорошо знал, что дождь в лесу – это двойной дождь, когда каждая ветка при порыве ветра или прикосновении, обдаст обильными холодными водяными брызгами. Окликнув Лешего, он стал быстро спускаться вниз по склону, вступив в состязание в скорости с тучами – кто из них быстрее доберется до заимки. Но если Павлу предстояло продираться сквозь незнакомые дебри, то тучи свободно плыли по небу, подгоняемые ветром. Северный склон сопки оказался куда более крутым, чем южный. Павел стремительно скользил по скользким мхам от дерева к дереву, впопыхах потеряв из виду Лешего, избравшего другой, более удобный для себя спуск, в обход крутого обрыва. Достигнув подножия сопки на одном дыхании, Павел, держась руслу заросшего ручья, вошел в мрачную лесную глушь. Солнечные лучи не могли проникнуть сквозь густые кроны сосен, поэтому внизу было сумрачно и прохладно. Терпкий запах смолистой хвои перемежался с запахом болотных трав и сырой земли. Дремучие дебри одновременно манили в самую глубину и пугали первобытной неизведанностью. Суровая красота тайги была полна неотразимой силы.

Павел шел вдоль ручья, надеясь выйти по нему к реке, на которой, по словам Учителя, должны были стоять заимки. Мимо него проплывали застывшие картины царства мхов и лишайников. Они заботливо укутывали упавшие стволы деревьев и под их мягкими зелеными коврами спали старые валежины, выставив наружу черные извилистые корневища, которые напоминали широко раскинутые щупальца гигантских спрутов, затаившихся в зловещей надежде схватить и уволочь под землю свою жертву. И только где-то высоко вверху чуть слышно шелестели верхушки сосен, отбрасывая вниз смутные светотени. Отчего казалось, что по лесу мелькают таинственные силуэты неведомых существ и жутковатый холодок заползал за воротник.

Невольнo ускоряя шаг, Павел думал: «Почему одни места кажутся приветливыми, а другие – угрюмыми и дикими, в них чувствуется что-то зловещее?» Здесь даже могучие сосны стояли, будто в немом оцепенении, обреченно умирая в безмолвном недоумении, что с ними, и что за невидимые силы заточили их в погибельную кабалу.

Опытные таежники предупреждают, что в таких гиблых местах, где вымирает все живое, и даже птицы не поют, обитает всякая нечисть, которая строит путнику различные козни и ловушки: Насылает несчастья, заставляет долго плутать по незнакомым местам, маня за собой махровыми лужайками, чтобы вконец измотанного и обессиленного, завести его в гиблые топи.

На свою беду, Павел посчитал это суеверием таежных жителей. Поэтому, ставший от окружающего сумрака т смутных тревожных предчувствий, едва увидев впереди долгожданный просвет, он сразу поспешил на этот свет. Деревья на его пути стали попадаться реже, а ручей окончательно затерялся среди болотных мхов, зато бархатистая полянка приятно пружинила под ногами и звала вперед.

Случайно он набрел на березовую рощицу, но теперь лишь берестяные футляры с разложившимися в труху сердцевинами, белеющими останками лежали во мху. Тронул слабый ветерок, но вместо привычной свежести, тяжелые испарения, словно туман, заполнили пространство, что даже глубокие вдохи не приносили облегчения. Непроницаемая пелена проглотила все звуки, окутав все мертвящей тишиной, что казалось, никакая сила не способна разрушить ее невидимые пути, и ты, словно сам бесследно растворяешься в ней. А когда Павел увидел меж мхов и кочек темные зеркала болотных вод, то с ужасом осознал, что оказался среди черных топей. В отчаянии он озирался, ища спасительного леса, но вокруг росли лишь

чахлые уродливые деревца, покрытые лишайниками. Все безнадежно тонуло в сизых облаках тумана, который наподобие седых волос клочьями свисал с высохших веток. Даже при небольшом дуновении ветерка, все вокруг Павла приходило в хаотичное движение, из глубины болота раздавались какие-то неясные шумы, будто кто-то там тяжело вздыхал или шептался.

Блуждая в тумане, Павел наткнулся на жалкое деревце с поднятыми вверх тонкими ветвями; оно, словно застыло перед ним в немой мольбе и страдании. Он хотел уйти прочь, но ноги его с каждым шагом только глубже увязали в вязкой трясине. Она угрожающе качалась под ним, издавая коровьи вздохи, а в черных лужицах мелькали таинственные лики, точно кто-то неведомый злорадно наблюдал оттуда за каждым его шагом, выбирая подходящий момент, чтобы утянуть его на самое дно. К вечеру туман все более сгущался, казалось, белая мгла навсегда поглотила весь мир, и Павлу иногда чудилось, что не он уже движется неизвестно куда, а деревца хоромом кружат вокруг него в белесой пелене, пытаясь захватить его острыми сучьями.

Увидев большое дерево, Павел поднялся к нему на пригорок, наконец, ощутив твердую почву под ногами. Внезапно он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, от которого по спине поползли мурашки. Казалось, само дерево, не мигая глядело на него!. Очумело помотав головой, он попытался сбросить наваждение... тогда сова, слившаяся с корой, тоже завертела в ответ ушастой головой, в упор тараща на него большие круглые глаза, словно в немом изумлении; после чего, взмахнув пуховыми крыльями, бесшумно растаяла в белой мгле.

В этот момент Павел вспомнил пророческую фразу аборигена, с упреком брошенную заблудшему в лесу белому человеку: «Глаза есть – смотри нету, голова есть – понимай нету, один в тайга ходи – скоро пропади!» Укрепившись, он стал звать Лешего во всю силу своих легких, пока Леший не вынырнул к нему из тумана. Бока его раздувались, как паровые меха, по которым было видно, что он обыскал весь лес в округе, пока не нашел своего хозяина. Благодарно потрепав его по густой холке и немного дав ему и себе передохнуть, Павел накиннул враз отяжелевший рюкзак, ружье на плечо и дал команду Лешему «Вперед». На этот раз, решив полностью положиться на его чутье.

Приходилось с силой продирается сквозь намертво переплетенные кустарники, утопая во влажных мхах и спрятавшихся под ними трухляках. Между тем, сумрак в лесу сгущался. Деревья, в преддверии грозы, под усиливающимся ветром жалобно шелестели кронами. Казалось, злые духи со всего леса собрались здесь и с диким воем носились меж деревьев в бессилой ярости от ускользающей от них добычи, то вдруг жалобно и нежно начинали манить из темноты. Но Павла, идущего вслед за Лешим, уже ничто не могло сбить с пути.

Вскоре они вышли на едва заметную тропинку. Ветки хлестали Павла по лицу, стало быть, это была звериная тропа – другой здесь быть и не могло. Она быстро бежала под ногами. Змейкой, извиваясь в траве и ловко обходя все преграды, неуклонно сохраняя одно и то же направление – к реке. В монотонном мелькании травы, листвы, подъемов и спусков, среди бушующей тайги у Павла стало пропадать ощущение реальности происходящего с ним. Хотелось ущипнуть себя и убедиться, что все это не сон. Что ищет он и от кого бежит на край Земли, безумец жалкий?! Ведь невозможно убежать от самого себя, как от собственной тени.

А-а! Он бежит лечить свою печаль, хочет познать все тайны мироздания, что-ж, каждый в этом мире странник. Он ушел в дикий край, но разлука и боль, как хищные звери, тащились за ним, а разум терзала мысль: «Если у жизни такое начало, какой же должен быть его конец? Где то роковое дно, что ему испить дано? Или суждено бесследно сгинуть в пучине безбрежной? Но все в этом мире – тайна, день возвышения и паденья час».

Нет, он не боялся смерти, но боялся исчезнуть бессмысленно и бесполезно, как растворяется с рассветом туман. И если в этой жизни не дано ему достичь мечты, то пусть и заветные надежды – его святое царство – умрут с ним в тайниках души, вдали от чужих глаз. Чтобы уходя навсегда, не слышать смеха за стеной. Уж лучше пусть охватит целый ад, но только втайне от

людей, которым все равно не дано понять его душевных мук, с горьким привкусом вины. Ведь там, где он рос, теперь тяжкая доля и трудно стало дышать от смрада корысти и лжи. Пусть ему сейчас спокойней и уютнее в дикой тайге, но память о страданиях близких не стереть и здесь, у мира на краю. Поэтому он ждал грозы, как избавления, но не тишины, от которой звон в ушах и боль в груди, а в диком вое урагана отступят и они.

Гроза.

Звериная тропа, как и надеялся Павел, вывела их к реке. Шум от порожистых перекатов отчетливо слышался за крутым обрывом узкой прибрежной полосы. За ней, насколько хватало глаз, раскинулись холмистые долины. После таежных дебрей, раскрывшиеся перед ним просторы магнитом притягивали взор; а с многочисленных небольших озер слышались крики диких уток и гусей, обеспокоенных наступающей грозой.

Гроза неотвратимо приближалась. Черные налитые тучи медленно надвигались, под собственной тяжестью, низко опустившись над землей, пугая все живое отдаленными громовыми раскатами. Сильные порывы влажного ветра трепали одежду на Павле, и, сопровождаемые встревоженным шумом деревьев, уносились вглубь леса, а высокие раскачивающиеся верхушки вековых сосен мели низкое грязное небо. Какая-то небольшая птица, отчаянно махая крыльями, билась в воздухе, пытаясь спрятаться в лесу, но порывом ветра ее опрокинуло и отбросило в сторону.

Первые крупные капли дождя, будто пробуя силы, стали тяжело падать на траву, и все вокруг как-то разом погрузилось во тьму. Павел отпустил Лешего в лес добывать себе пропитание и огляделся в поисках укрытия. На свое счастье, недалеко он увидел заветную избушку. Это был приземистый, потемневший от времени сруб с единственным маленьким окошком; крыша его была покрыта берестой, а бревенчатые стены подоткнуты мхом. Не успел он дойти до избушки несколько шагов, как окружающие ландшафты осветились голубоватым свечением, вслед за ним, сильнейший удар грома потряс воздух. Мор погрузился в абсолютную тьму, из которой слышался нарастающий шум ливня.

Только Павел заскочил под навес, с разверзшихся небес обрушился поток дождя, подгоняемый ветром; он волнами перекатывался в воздухе, и земля заходила ходуном под его бешеным напором. Все куда-то понеслось с сумасшедшей скоростью, будто пытаясь смыть все живое с лица земли. Шум ливня, ветра, тайги слились в едином реве, заглушаемом лишь могучими громовыми раскатами, эхом перекатывающимися с одного конца неба на другой, грозной колесницей разгневанных богов. Зубчатый лес на мгновение появлялся в свете молний и тут же исчезал во тьме до следующей вспышки. По траве, смешиваясь с дождевыми волнами, побежали мутные потоки воды, и все пространство, небо и земля, закружились в едином водовороте стихии. Падающий дождь создавал ощущение невесомости и полета. Павлу даже стало казаться, что под навесом избушки он, словно на капитанском мостике шхуны, мчит на полных парусах в неведомые дали, а хлесткие петли дождя били о стены, как упругие волны о борт корабля. Он стоял очарованный неумным буйством водяной стихии, как – будто осенний дождь для него одного исполнял свой неистовый танец и небесными слезами кропил душу Павла как живой водой.

Встреча с духом атеков.

Гроза постепенно стихала. Ветер, небесный пастух, гнал свое стадо туч дальше на север, где они продолжали, будто разъяренные чудовища, в бессильной злобе изрыгать из своего темного чрева гром и молнии.

Откинув деревянный засов, Павел толкнул небольшую дверку с высоким порогом, она со скрипом подалась, и Павел шагнул в уютный полумрак избушки. Навстречу ему дохнуло спертым запахом соломы и сухих дров, которые аккуратной стопкой лежали у входа. Запалив лучину, он в ее мерцающем свете разглядел простое убранство коморки: двое дощатых полатей у стен, маленький столик у окна, железная печка пряталась в углу, напротив нее поленница дров. На стенах висели старые снасти и ржавые капканы. И над всем витал дух давно непосещаемого жилища. Это было самое подходящее место, чтобы предаться здесь своему одиночеству и грусти, выпивая этот магический коктейль маленькими глотками, словно целебное горькое зелье.

Разлука с Леной терзала его сердце, и лишь силой мысли он поддерживал себя в эти дни. Потеряв любовь, он нашел спасение в раздумьях. Душа его требовала необъятности просторов, и, оставив рюкзак с ружьем на полатах, он вышел из тесной избушки в насквозь промокшую ночь, немым изваянием застыв на крутом берегу, и лишь далекие отсветы молний на мгновенья освещали его одинокую фигуру. Это был его таинственный остров, священный храм, где душа должна была набраться сил и отдохнуть от невыносимости разлук.

Полная луна матовым светом осветила уснувшие долины и клокочущий под обрывом поток переполнившейся речки. Несмотря, что ливень перестал, вода все продолжала прибывать и с рокотом неслась вдоль скалистых берегов, диким зверем билась об утесы, разбрызгивая воду с пеной по камням. На перекатах пучились ревущие буруны, которые кипели и пенились, как в огромном котле. Казалось, все с диким гулом несло в черную бездну. От бурного потока быстротекущей воды, начинало чудиться, что это уже не река, а сам Павел вместе с берегами стремительно несётся ей навстречу, и от бурлящего водоворота начинала кружиться голова.

Набежавшая рваная пелена облаков снова скрыла луну, и Павел, найдя возвышенную площадку у одинокой замшелой скалы, непонятно откуда взявшийся на ровном месте между кромкой берега и лесом, развел на ней костер из заготовленных в избушке дров. Огонь, поначалу несмело, все более разгорался, но тьма вокруг Павла от этого только сгушалась, обступая его со всех сторон непроницаемой стеной; и лишь изрезанный глубокими морщинами трещин каменный лик скалы, преображаясь от бегающих теней, казалось, изучающе смотрел на него. Павлу стало не по себе от такого соседства, и, подтащив из темноты упавшую сосну, он стал торопливо ломать и бросать в костер ее пожелтевшие ветки. Огонь чуть затух, но, постепенно разгораясь, принялся с жаром пожирать стонущие сырые ветки; а Павел все продолжал безостановочно подкидывать ветки в огонь, пока он с гулом не взвился почти до небес, ревя, как раненый зверь, в порывах ветра кидаясь по сторонам и рассыпая вокруг себя снопы искр.

Завороженный дикой пляской огня, Павел не знал, что находится на прежде священном родовом костровище давно вымершего племени атеков. Но, странным образом, он ощущал себя последним из могикан, и, казалось, со скалы на него смотрели мудрые лики старых вождей, а из темноты, в шуме ветра и тайги, уже слышался барабанный вой и шорох приближающихся шагов. Словно из тьмы веков, к нему летели их таинственные крики и за неясными тенями разворачивались картины далеких времен.

Охваченный неизведанным ранее состоянием магического транса, под барабанный бой, он стал кружить, все больше ускоряясь в самопроизвольно рождающемся в нем диком танце у костра. Постепенно все поплыло вокруг него в упоительном круговороте, как в непрерывном

мелькании кадров: проносились давно забытые картины, дорогие образы и лица; словно в час душевных мук все утраченное вновь воскресло в нем.

Он потерялся во времени и с безумной тоской то ли звал кого-то, то ли изливал перед небом печаль, но из его груди, вместо крика, вырывался лишь слабый стон. Ветер безжалостно рвал рубаху на теле, диким зверем завывая над ним, унося сразу прочь все отдельные звуки. И вот он уже сам, как призрак прошлого, продолжал беззвучно кружить у огня. Постепенно бесплотной тенью растворяясь во все поглощающей тьме.

Разверзшаяся черная бездна над Павлом дышала холодом, и необратимо втягивая в себя. Внезапно подхваченный порывом ветра, словно невесомый высохший листок, он, закружившись вместе с искрами костра, вознесся ввысь к блистающему хороводу звезд. Обезумев от счастья, он увидел там образ любимой, который нежным голосом звал его с собой жить в иных мирах, между сказкой и былью, чтобы познать любви божественную суть.

Лена, его добрая фея, опять была рядом; и вся Вселенная распахнулась перед ними, когда на белых крыльях любви они улетали в неизведанные дали слушать космическую музыку звезд. Вместе с таинственной ночью они кружили над миром.

А далеко внизу засыпал их таежный поселок, лениво выдыхая струйки дыма из печных труб и подслеповато шурясь желтыми глазами сонных окон. Лунный свет серебрил верхушки мохнатых сосен и купался в темной глади реки, плавно несущей свои хладные воды среди дремучих северных лесов.

Но вот стих чуть слышный шум движка на дизельной, в поселке разом погасли последние огни и весь окружающий мир погрузился во мрак. Стало сумрачно и пустынно. Только где-то далеко, словно на краю Земли, слабым лучиком светился его одинокий костер.

Хрупкий силуэт любимой прозрачным облачком стал растворяться среди звезд, превращаясь в лишь отсвет далекой звезды. Словно наша, Земная жизнь, была ей так невыносима, что она теперь уже навсегда скрывалась среди звезд. Еще был слышен ее прощальный крик, но, как комета из таинственных миров, она улетела по своей неведомой орбите, словно добрый ангел, погрузившись вместе с Павлом перед прощанием. В отчаянии он звал ее назад. Хотел лететь за нею вслед, но скованные холодом разлуки крылья, уже не слушались его. Потеряв свою любовь, он снова стал сухим листком, бессмысленно носимым в ночной тьме холодными втерами.

Притянутый к собственному телу, он увидел внизу свой догорающий костер, а рядом – бледную фигуру самого себя., безжизненно прислоненную к скале. И о Боже! – танцующих у костра людей, похожих на индейцев, в допотопных меховых одеждах. На уступе скалы в неподвижном раздумье сидел их старый вождь, он курил длинную трубку, но из нее не шел дым. В пляшущих отсветах пламени костра возникали из тьмы и вновь исчезали многочисленные фигуры людей, обступивших поляну. Это были те самые аборигены исчезнувшего племени атеков со стариками и детьми, собравшиеся к зажженному огню на их родовом костровище. Их лица были мертвенно бледны и печальны; они давно не встречались и потому стояли, тесно прижавшись друг к другу. Так, далекое прошлое в образе их теней по ошибке вышло в настоящее, притянутые светом своего прежнего духовного огня. Но то был уже не их огонь.

Вскоре костер стал окончательно гаснуть, и все потонуло в непроглядной мгле. Павла тотчас закружило в огромной воронке, и он с немим криком ужаса понесся вниз. После полета любви так больно было падать на землю, что вернувшись в тело, он потерял сознание. В себя его заставил прийти таинственный голос, исходивший из холодного камня голос, оледенивший кровь. Сама скала заговорила с ним:

«Странник, что привело тебя сюда? Что ищешь здесь, в краю далеком?»

«Кто ты, владыка?» – в тихом ужасе отпрянул Павел от скалы.

«Я – великий дух Ямбух, властелин и повелитель этих мест, а также жившего здесь могущественного племени атеков!» – величественно прозвучал ответ, от которого задрожала вся скала, и с нее посыпались на Павла мелкие камешки с кусочками мха.

– Но куда ушло твое племя сейчас, и кто смог заковать тебя в камень?

На этот вопрос из каменного монумента, как из глубины веков, вырвался только тягостный вздох, и затем все окутала звенящая тишина, казалось, кто-то невидимый за поверхностью скалы погрузился в гнетущие раздумья. Наконец, дрогнувший голос ответил Павлу: О, белый человек, на этих священных землях жило большое племя и разговаривало на своем языке со своими богами. Но последние поколения все предали забвенью и приняли чужую веру в обмен на бусы, перестали чтить заветы предков, и забытые боги уже ничем не могли им помочь. Так мое племя покинуло этот мир, бесследно растворившись в темном пространстве времен, а я остался один, навеки заточенный в камень.. боги не прощают забвенья!»

«Неужели совсем никого из твоего народа не осталось на свете?» – изумился Павел. «Бродят еще где-то по миру в забвении их тела, не помнящие ни своих имен, ни родства, люди тени без души. Да, у родового костровища собираются на свет случайного огня метущиеся тени умерших, но они уже ничего не могут изменить на своей земле» – на последних словах мелкая дрожь пробежала по камню, как от беззвучного рыдания, и холодная испарина покрыла камень. Голос продолжал звучать все глуше и глуше, словно удаляясь вглубь скалы, а набежавший белесый туман начал скрывать его очертания от Павла. Срывающимся от волнения голосом он поспешил задать свой последний вопрос: «Скажи, великий Ямбух, если любовь есть главное на свете, то почему мое сердце беспрестанно терзают разлуки?»

Внезапно Павел почувствовал вблизи себя холодное дыхание, словно сам Ямбух, выйдя из камня, приобнял его туманными руками и на ухо молвил: «Любовь – это живительный исток всему, но для развития душа должна пройти свой путь по Земным дорогам радостей, испытаний и страданий. Храни святой огонь любви в своей душе и вместе с верой она поможет исполнить свое предназначение на Земле».

Померк последний уголек в костре, выпустив напоследок тонкую струйку дыма, непроницаемая мгла окутала Землю; Павел окончательно погрузился в глубокий сон. Впрочем, для него так и осталось загадкой, что было сном, а что – реальность, но открытую ему истину запомнил навсегда, которая голосом великого духа Ямбуха вещала: «Нельзя предавать свои духовные истоки во имя сиюминутных благ, обездушенным телам они не принесут добра, и будут тогда другие вместо тебя греться у твоего костра». Так, посредством видений, природа открывает людям самые сокровенные тайны Бытия. Но понять их люди могут настолько, насколько позволяет им это сделать их сознание и душа.

Роковой выстрел.

Первые лучи восходящего солнца только озарили верхушки самых высоких сосен, и хмурый лес еще дремал перед рассветом в белесой дымке, наполненный ее мягким свечением. Отяжелевший от сырости воздух прижимался к земле, сгущаясь в низинах до студенистого тумана, и выпадал на траву обильной росой. Седые от измороси мхи и лишайники на камнях жадно пили его прохладную влагу. Во всей суровой дремучести природы уже чувствовалась хрупкая гармония предутреннего рассвета с растворенной в воздухе свежестью хвойного леса и первого звонкого пересвиста проснувшихся птиц.

Зябко пожившись от утренней прохлады, Павел очнулся и, медленно поднимаясь с травы, разминал затекшие ноги и спину. Скала безразлично смотрела на него холодным камнем, а давно потухший костер спрятался под толстым слоем пепла. С наслаждением потянувшись и вздохнув полной грудью, он направился в избушку, где, скинув с себя пропахшую таежными тропами и кострами одежду, затопил печку. Дрова в пропитанном сыростью воздухе разгорались плохо, и, вскоре густой едкий дым заполнил все небольшое пространство избушки. Захватив с собой походный алюминиевый чайник, Павел открыл настежь дверь и вышел на высокий обрывистый берег реки. Перед его взором предстали обширные долины, укутанные пуховыми туманами, которые плавно колыхались под ветрами и напоминали упавшие на землю облака. По крутому глинистому берегу он спустился вниз, к самой реке. Полная от дождя, она глухо шумела на перекрестках, и влажная пыль от нее оседала на прибрежных камнях.

Умывшись в ее студеной воде и окончательно озябнув, Павел наполнил чайник и поспешил назад в избушку. Тяга уже наладилась в протопленной печке, и весь дым с легким воем устремился в трубу. Поставив кипятить чайник на раскаленную плиту, он почувствовал зверский аппетит и принялся доставать из рюкзака свои немудреные запасы еды: чай, сахар, крупу, сушеное мясо и лепешки, но по вкусу в тайге даже чай с лепешками были не те, что дома.

Наскоро перекусив, Павел с кружкой горячего чая вышел на порог и, прислонившись плечом к дверному косяку, в приятной истоме наблюдал, как на востоке разгоралась заря. Все обозримые пространства и дали были залиты ее нежно-розовым светом. С восходом солнца тончайшие переливы света становились все более яркими, и неожиданно от земли к небу вспыхнула многоцветная радуга, словно лестница богов, своим сияющим мостом соединив земной и небесные миры. На мокрых лугах в солнечных лучах таял последний прозрачный туман, и по мере того, как оголялись земные ландшафты, лиловая пелена облаков на небе все более сгущалась, поглотив, в конце концов, восходящее солнце, и живописный радужный мостик тут же растаял, словно мираж.

Полностью поглощенный чудесными превращениями в природе, Павел продолжал неподвижно стоять в дверях, как истукан, с остывшей и напрочь забытой кружкой чая в руке, словно в ожидании продолжения этого сказочного действия неземной красоты. Но вместо этого он увидел, как вдалеке за речкой, из низины на склон холма выходит странный человек. Он с трудом взбирался на пологий холм, тяжело опираясь на сучковатую палку; было видно, что каждый шаг давался ему с усилием, потому время от времени, он останавливался передохнуть и при этом настороженно озирался по сторонам, словно опасаясь чего-то. Самое недоуменное впечатление оставлял его внешний вид: старая потрепанная одежда без пуговиц, подвязанная у пояса веревкой, тощий рюкзак за спиной и длинные нечесанные космы волос, спутанные воедино с седой бородой – делали его поразительно похожим на средневекового отшельника или скитальца. Достав из рюкзака бинокль, Павел направил его на пришельца и с изумлением узнал в нем Николая Ивановича, неожиданно пропавшего из поселка еще ранней весной, впрочем, как неожиданно он и появился в нем до исчезновения. Свой приезд в таежный поселок

старик объяснил желанием побывать напоследок в местах, по которым он, еще, будучи пацаном, проходил в составе геологической экспедиции.

То были дела давно минувших лет, когда при загадочных обстоятельствах погибла вся их небольшая экспедиция, в живых остался только он один. Николай Иванович оказался на удивление компанейским дедом, знавших множество разных шуток-прибауток на все случаи жизни, и быстро стал желанным гостем любой компании. С Павлом они, к тому же, оказались земляками, жившими прежде в часе езды друг от друга, что еще больше сблизило их между собой. Уже тогда Павла не покидало ощущение, что за внешней общительностью Николая Ивановича кроется какая-то тщательно скрываемая тайна, которая помимо воли иной раз явственно читалась в его небольших выцветших глазах, то в виде обреченной решимости на что-то, то запредельной тоски.

Его внезапный скрытный уход под покровом ночи их поселка только усилил эту догадку. Потому их новая неожиданная встреча в окрестностях гиперсибирии была явно неспроста. Но не это сейчас в первую очередь волновало Павла, нужно было спешить на помощь старику. Быстро накинув на себя ветровку, он выбежал из дома, еще не подозревая, что ждет его впереди, и какие тайны откроются ему. Смерть с этих пор будет рядом с ним стоять, неотступная, как тень.

Впрочем, к этому Павлу было не привыкать, такова, видно, выпала участь: постоянно играть с судьбой в русскую рулетку. Да и куда ему было деться?! Он ведь русский офицер, хот и бывший.

Неожиданный выстрел разорвал тишину, подняв в небо стаю испуганных птиц. Николай Иванович, неловко взмахнув руками, пал на склон холма и неподвижно затих. Будто еще пытаясь предотвратить неповторимое, Павел в отчаянии закричал в сторону, откуда только что раздался выстрел, но тут же вторая пуля разъяренной пчелой прожужжала у него над самой головой и со свистом впиалась в бревенчатую стену избушки, выбив из нее облачко трухлявой пыли.

Осознав, наконец, что это не бред, а какой-то негодяй действительно стреляет из рощи по людям, Павел, пригнувшись, заскочил в избушку, быстро надел полный патронташ, сунул за пояс большой охотничий нож, и, схватив висевший на стене карабин, выбежал из избушки в лес, рассчитывая перехватить злодея. Он не жаждал крови, но ситуация не оставляла ему иного выбора, кроме войны.

Павлу была привычна обстановка боя, но если стрелявший – местный охотник, привыкший бить соболя в глаз (чтобы не попортить шкурку) и с детства знающий тайгу, то их шансы уравнивались. Много будет решать кто из них первым успеет выстрелить. Павел надеялся подобраться к противнику ближе и сойтись с ним в рукопашной схватке, в чем ему не было равных и что не раз уже выручало его в самых жестоких боях. Жуткая картина, когда приходится глядя в глаза противнику, вспарывать чужое брюхо ножом.

В это время противник, не желая оставлять в живых опасного свидетеля, сам уже спешил ему навстречу. Павел это предвидел, и потому передвигался короткими перебежками от укрытия к укрытию, стараясь слиться с тайгой. Благополучно преодолев поросший деревьями холм, он угодил в размытый дождями, глубокий овраг. В нем сильно отдавало грибной сыростью, и противно чавкала под ногами размокшая почва, предательским эхом разносясь по тайге. Это не могло не привлечь внимания незримого противника, и, как только Павел выбрался наверх, ему навстречу сквозь густые заросли кустарников понесся непонятный шум. Отпрыгивая в сторону за первую попавшуюся корягу, он успел на ходу вскинуть ружье – и замер в напряженном ожидании.

В тот же миг, ломая ветви кустов и отчаянно хлопая по воздуху крыльями, на открытое место, от кого-то спасаясь, вылетел тетерев. Вдруг наперерез ему серой тенью метнулся сокол, и, налету схватив трепещущую жертву, тяжело скрылся с ней в лесу. И лишь небольшая кучка перьев, как покинутая тело душа, осталась сиротливо кружить на ветру. Природа словно

предвещала Павлу трагическую развязку; оставалось лишь неясно, кто из них вскоре станет охотником, а кто жертвой.

На возвышенности он увидел одиноко стоящую реликтовую сосну с упавшей на нее старой высохшей елью, бурая хвоя которой выделялась на темном фоне тайги. Забравшись под этот естественный шалаш, Павел обнаружил, что дальше лес уходит резко вниз, погружаясь в укутанную туманом падь. Обзор с косогора был хороший, потому, заняв удобную позицию для стрельбы, он весь превратился во внимание, намереваясь именно здесь встретить своего смертного врага. Потекли томительные минуты ожидания.

Чуть слышно внизу вспорхнула невидимая птичка – и все чувства разом обострились до предела, он пытался усилием воли, будто неким третьим глазом, проникнуть сквозь пелену тумана. Наконец, из туманной мглы бесшумно, словно призрак появился смутный силуэт, по мере приближения все более проявляясь. Незнакомец крался вдоль пади, озираясь по сторонам и держа наготове ружье. Павел выдержал паузу, подпуская его ближе, неспешно прицелился и...выстрелил у него над головой, окриком приказывая бросить оружие.

Вместо этого, человек-призрак неожиданно исчез на ровном месте, бесследно растворившись в тумане как фантом. «Что за чертовщина?» – думал Павел, изумленно вглядываясь в пустое место, где только что стоял неприятель, его исчезновение было так непостижимо, что в пору было протирать глаза или креститься. Не веря в чудеса, Павел подивился удивительной способности противника к выживанию в тайге и стал, скрываясь за гребнем косогора, обходить заколдованное место с другой стороны. Когда он, наконец, осторожно выглянул из под мохнатой ветки ели, поразительная тайна открылась ему. Темный силуэт незнакомца неподвижно лежал внизу перед ним, затаившись под покрытой мхом и вросшей в землю старой валежиной, которая совершенно терялась из виду в густых мхах лощины.

Поймав противника на мушку, а себя на мысли, что все-таки не хочет расстреливать его как в тире, Павел, после некоторых раздумий, в последний раз предложил ему сдаться. Но тот в ответ открыл в его сторону такую отчаянную стрельбу, что Павлу пришлось спешно менять укрытие, когда неприятельские пули поднимали прямо перед ним фонтанчики земляных «брызг» и сбили ветку над самой головой. Стрелять противник явно умел.

Краем глаза он успел лишь заметить, как серая тень из леса молнией метнулась к валежине и оттуда тотчас раздался короткий душераздирающий вопль, после чего в звенящей тишине прозвучал жуткий волчий вой, от которого стыла в жилах кровь, и казалось, зашевелились даже волосики окружающих мхов. Вой гулким эхом носился по лесу, многократно отражаясь от деревьев и холмов, будто повсюду были волчьи стаи, и в голову закрадывалась одна спасительная мысль – забраться повыше на дерево.

Не понимая еще что произошло, Павел с опаской выглянул из-за бугра и то, что он увидел, потрясло его до глубины души – над поверженным врагом стоял серой глыбой Леший с окровавленной пастью. Услышав выстрелы, он пришел на помощь хозяину в самый трудный момент и без раздумий бросился на вооруженного бандита. Это был первый задавленный им человек, и глаза Лешего горели нехорошим диким блеском.

Перед спустившимся вниз Павлом предстала жуткая картина... За валежиной, во мху, лицом вниз лежал парень с перекушенной шеей. Нагнувшись над беднягой, Павел повернул его голову к себе и тут же отпрянул... Застывшие в ужасе глаза, смотрели прямо на него.

Погибшим оказался Гришка – Горелый, получивший свое прозвище за то, что однажды обгорел, заснув пьяным у костра. Он был пришлым в их поселке, и по слухам являлся осведомителем банды Гарри – Бешенного из соседнего городка, которая занималась грабежом возвращавшихся домой через их городок сезонников с лесоповала и загулявших промысловиков. Но почему он оказался здесь, и что заставило стрелять его в безобидного старика – осталось для Павла загадкой.

Зато вспомнилось предупреждение старейшин, что эта таинственная территория имеет свое особое предназначение – земного чистилища человеческих душ. Поэтому, кто приходит сюда со злыми намерениями – неизменно находят здесь свою погибель; и лишь только тот, кто обретает с ней духовное единство, получает в награду новую жизнь и судьбу. Как птица Феникс, каждый раз возрождаясь из пепла, обретает в муках перерождений свою истинную веру и предназначенье.

До сих пор мало находилось смельчаков сыграть с судьбой в русскую рулетку и потому исполинские просторы Гиперсибири до сих пор оставались девственно безлюдными, словно высшие силы хранили от посторонних свои священные долины. И ясно слышалось в шуме ее могучих вековых лесов: «Не следует лезть сюда чужаку со своим уставом. Найдет он здесь свою погибель».

Трагическая участь погибшей здесь в поисках золота экспедиции, лишь подтверждала могущество этого предупреждения. Боги не любят шутить.

Павел уже чувствовал, как неведомая бездна, помимо воли, начинала втягивать его в себя цепью роковых событий, то ли изучая, то ли безвозвратно поглощая.

В тревожной задумчивости оглядел он пустынную падь вокруг себя и обнаружил, что находится на так называемом, «лесном кладбище», где все деревья давно уже лежат в земле, укутанные толстыми покрывами мхов; и казалось, что их заросшие останки, словно забытые надгробья, выступают из под земли. Чем-то гнетущим и безысходным веяло над этим гиблым местом, будто это не туманы, а воплощенная печаль сизым облаком витала над ним.

Взвалив на себя остывающий труп бандита, Павел потащил его на косогор, попутно выбирая подходящее место для могилы. Он сбросил Горелого в ложбинку у сосны и закидал сверху хвойными ветками. Почему-то он не испытывал особой радости от победы, разве только от того, что это не он лежит сейчас там под кучей веток.

Тайга на этот раз оставила ему жизнь; но бандиты скоро обнаружат пропажу своего засланного агента и выйдут на Павла, так как в небольшом поселке знали, что только он пошел сюда. Поэтому впереди предстояли крутые разборки, ведь Гарри – Бешенный – опасный тип, не чета горелому, да и всем остальным. Говорят даже, что свой длинный шрам на щеке он получил, когда в жестокой схватке один положил пятерых. «Что ж, – подумал Павел, – тем интересней будет наша битва». А пока ему нужно было спешить к Николаю Ивановичу, который, может быть, остался жив. Лешего Павел оставил у трупа бандита, охранять его от зверей и тот с косогора с тоской смотрел ему во след.

Обратный путь занял совсем немного времени, ноги будто сами несли его прочь от злоеющего места. Когда Павел вышел из леса, одинокая высокая сосна, росшая на холме, где подстрелили Николая Ивановича, служила ему хорошим ориентиром среди множества других холмов, волнами разбросанных по всей долине. К своему удивлению, он не обнаружил на нем старика. Павел пытался звать, но вокруг стояла лишь безмолвная тишина. Ветер, жалобно подвывая в вышине сосны, уносил все звуки прочь.

Не зная, что еще предпринять, Павел в раздумье опустился на траву; и только тут до него из под земли, словно из преисподней, чуть слышно донесся слабый стон. Не веря своим ушам, Павел пошел на звук слышимого им голоса к самому краю холма. Дальше был крутой обрыв: но, кроме свисающих с его отвесного склона длинных корневищ, там больше ничего не было видно. И только спустившись вниз, Павел обнаружил в нем обширное волчье логово, в котором в беспмятстве бредил Николай Иванович.

Павел осторожно вытащил его на мягкую траву, перевязал сквозную рану на груди; с горечью понимая, что с такой раной старик долго не протянет, он хотел смягчить его предсмертные страдания. Он вспомнил оставленного далеко отсюда своего отца, и сердце его обливалось кровью от вины и тревоги. Постепенно старику стало лучше, и он приоткрыл глаза, но взгляд его являл сплошную муку. Было ясно, что недалек уже конец. Тем более было странно

видеть, что как только он узнал Павла, в его глазах проснулась непонятная надежда и даже слабая улыбка, больше похожая на гримасу боли, тронула его изможденное лицо.

Разжав сухие губы, он с хриплым присвистом, чуть слышно произнес: «Паша, хорошо, что ты пришел, я тебя ждал...» Николай Иванович почти на полуслове прервал свою речь, то ли собираясь с силами или мыслями, но когда Павел хотел вступить в разговор, он его мягко остановил, положив свою дрожащую немощную руку на его: «Паша, выслушай меня сперва внимательно, сынок; у меня осталось уже мало времени, боюсь, не успею».

Собравшись с духом, Николай Иванович стал медленно говорить тихим, но достаточно ясным голосом, оставляя длинные паузы между фразами для дыхания. Захваченный его невероятным рассказом, Павел больше его не перебивал, представляя, как все это было на самом деле.

«После войны, я, еще будучи молодым геологом, в составе экспедиции был направлен в эти края для поиска полезных ископаемых. Среди нас были опытные геологи, и все было хорошо, пока мы не приступили к обследованию предгорного участка тайги. Все наши неприятности начались с того, как с нами туда наотрез отказались идти местные проводники, после этого с нами стали происходить и вовсе необъяснимые вещи, поэтому измотанные бесконечным кружением по буреломам и топям, зачастую на одном и том же месте, мы приняли решение возвращаться назад. Но прежде хотели разделаться с неведомым зверем, который преследовал нас все это время, не давал спать и нагоняя ужас по ночам, что выматывало еще больше, чем дневное бесполезное блуждание по тайге.

Ночами вокруг нашего лагеря стали происходить жуткие вещи, будто в зарослях кто-то тяжело ходил, то удаляясь, то подходя вплотную к палаткам, наблюдал за нами из темноты, выдавая себя потрескиванием сучьев и хриплым дыханием. От напряженного вслушивания и вглядывания во тьму в ушах рождался непонятный шум, а воспаленным глазам всюду мерещились пугающие тени. К полуночи, словно по чьей-то команде, к нашему лагерю слеталось множество филинов и сов. Среди деревьев слышалось их мягкое порхание, сопровождаемое устрашающим уханьем, как – будто они пытались запугать нас или от чего-то предостеречь.

И вот однажды ранним утром мы стали преследовать ненавистного зверя; но в сумраке осеннего тумана смутно мелькала лишь его отраженная тень, и потому, стреляя, мы неизменно попадали в пустоту туманов. Сцепив от злости зубы, на этот раз сдаваться мы не собирались. Изрядно потаскав нас за собой по болотам и завалам, зверь неожиданно сам вывел нас к горам, и, окружив его у отвесных скал, мы начали медленно сжимать смертельное кольцо. Зверюге больше некуда было деться, везде его ждала справедливая кара за наши мученья. Но вдруг его огромная тень метнулась к скалам, и, войдя в их каменную твердь, растворилась в них, словно призрак.

От такого превращения неземной холод и оцепенение обуяли нас, ноги налились свинцом и приросли к земле. Когда такое происходит на твоих глазах, поневоле поверишь в самые страшные притчи аборигенов об оборотнях. Только с восходом солнца, когда полностью растворился туман, смелость, вместе с жизнью и теплом понемногу возвращалась к нам. Мы начали шаг за шагом приближаться к опасной скале. В это время большая туча, проплывая над самой скалой и словно зацепившись за ее вершину, потянула ее за собой и подавляясь за нею скала стала падать прямо на нас! Ощущение падения скалы было так велико, словно весь мир, покачнувшись, грозил перевернуться на нас... Но, к сожалению, мы и в этот раз не вняли предупреждению providения и продолжали погоню.

Подойдя вплотную к самой скале, мы открыли ее тайну: незаметная со стороны расщелина уходила в ее темные глубины. После долгих обсуждений, мнения разделились, но любопытство взяло верх, что там за скалой? Мы тонкой цепочкой двинулись в ее каменное чрево, стараясь как можно ближе держаться друг друга. Стужей вечности повеяло среди ее запутанных лабиринтов; звуки наших шагов неясными шорохами неслись впереди нас по пещере, теря-

ясь где-то далеко от нас. Ветры сквозняков с диким гулом пронеслись над нами, терзая огонь единственной лучины, ее пламя отчаянно билось раненной птицей, грозя вот-вот погаснуть и оставить нас в кромешной тьме каменного плена.

Мы уже были готовы повернуть назад, как впереди показался долгожданный просвет. Выйдя из темноты пещеры, мы чуть не ослепли от яркого солнечного света, который десятками солнц отражался от заснеженных вершин Горного царства.

По крутым склонам неприступных скал с шумом падали вниз потоки талых вод, вливаясь в общую бурлящую стремнину горной речки на дне глубокого ущелья. Обследовав ее ближайшую протоку, мы с изумлением обнаружили в одной из таких заводей с хрустальной чистой водой золотые самородки. Они, как упавшие звезды, были разбросаны по ее дну, таинственно мерцая в солнечном свете. Спрыгнув в холодную воду мы стали их лихорадочно собирать. В это время в вершинах гор послышался неясный гул. Постепенно приближаясь, он усилился до страшного грохота и вскоре все вокруг задрожало. Сверху посыпались первые камни, а затем начался камнепад. Казалось, камни сыпались на нас со всех сторон, и нигде нам не было спасенья. В ужасе мы побежали назад к пещере, и земля закачалась под нашими ногами. Едва мы успели достигнуть пещеры, как обвал завалил ее выход, замуравав нас в скале. Но это был еще не конец. Сжигая одежду вместо факелов и освещая себе путь, мы смогли достичь противоположного выхода и выбраться на волю; упав на колени, как самые дикие аборигены.

А когда мы вернулись в поселок, старый шаман, невесть откуда узнавший об найденных нами золотых самородках, долго убеждал нас вернуть их назад властелину гор Ахтубу. Мы только посмеялись над стариком, объяснив, что людям золото нужнее, чем какому-то духу. Отсутствие явной угрозы сделало нас сильнее всех духов и повелителями природы. К тому же, нам нужно было спешить, пока не замерзла река – единственная дорога в тайге, по которой можно было добраться из поселка в город, и вскоре на небольшом попутном катере мы тронулись в обратный путь.

Ночью на середине реки внезапно разыгрался ураган такой силы, что казалось, что небо обрушилось на землю. Все несло в едином бешеном водовороте, огромные тяжелые волны бросали катер как пушинку, яростно били о борт и кипящей пеной перекачивались через палубу. Исчезло чувство реальности, как будто мы оказались во власти каких-то могущественных сил, доселе неизвестных нам. Наш катер стал тонуть, и, уцепившись из последних сил за спасательный круг, я поклялся Ахтубу, что если он оставит мне жизнь, я навсегда забуду о его золотых россыпях. После чего от холода осенних вод я потерял сознание. На следующее утро меня случайно нашли охотники на пустынном берегу. Одного из всего экипажа.

Я сдержал свое слово, данное Ахтубу, более того, вообще ушел из геологии, чтобы не тревожить больше ни чьих духов, правда, на всякий случай, по памяти составил карту нашего маршрута и почти на полвека забросил ее на чердак.

И вот сейчас, когда настали бесовские времена, в нашем поселке не стало работы. Чтобы спасти от голодной смерти дочь и единственного внука, я вынужден был нарушить клятву, когда-то данную Ахтубу».

При воспоминании о дочери и внуке у бедного старика аж перехватило дыхание. Все дышало в нем болью. Казалось, боль была живей его, и лишь забота о родных заставляла его сердце натужно биться.

«Я знал, что с золотом Ахтуба меня отсюда не отпустит, тем более, что я нарушил клятву. Поэтому перед уходом из поселка я оставил тебе записку, в которой все подробно изложил, чтобы ты меня здесь встретил, но кто-то, видно, ее перехватил».

Постепенно ситуация для Павла стала проясняться. Убитый им Горелый выследил в поселке Николая Ивановича и выкрал записку и теперь ситуация стала принимать еще более опасный поворот. Горелый наверняка доложил о золоте Бешенному, а тот пустил банду по его следу. Ради золота Гарри пойдет теперь на все, ведь это был его последний шанс вырваться

отсюда на большую землю, а не попасть в тюрьму, которая по нему уже всплакнула. Из раздумий Павла вывел взволнованный голос Николая Ивановича, речь его стала отрывистой и бесвязной. Силы явно покидали старца и он спешил закончить свой рассказ.

«Паша, за лето я намыл много золота, разделил его поровну, половину оставь себе, а половину передай моей дочке с внуком – и мое благословение им. Я уж буду с небес теперь наблюдать за вами, но, боюсь, и там покоя мне не будет. Прощай, сынок...»

На этом Николай Иванович смолк, будто с последними словами силы окончательно оставили его. Лицо страдальца впервые отошло от боли и забот, обретя спокойный, ясный лик. Он перевел свой взгляд на небеса, откуда раздавались прощальные крики улетающих птиц, казалось, они звали его за собой в родные края, и одинокая горючая слеза скатилась по его впалой щеке. Уже никогда ему не суждено было увидеть свой дом и родных. Но свою душу он выпустил на волю, и она с гусиным клином вознеслась в небеса, а оставленное на земле немощное тело еще долго провожало застывшим взглядом улетающих гусей, уносящих на своих крыльях его освобожденную душу.

Только когда гуси окончательно скрылись за лесом, Павел закрыл старику глаза, невольно осознав разницу в смерти: покореженная ужасом смерти гримаса Горелого, погрязшего в грехах и преступлениях, чья загубленная молодая душа обречена в тяжелых страданиях маяться рядом с телом, отбывая отпущенный ей срок на земле и постепенно разлагаясь в беспмятстве; или вознесенная в небо душа Николая Ивановича, который достойно прошел свой жизненный путь и теперь лишь прилег отдохнуть – перед новым восхождением впереди. Так за счет одних людей развивается человечество и воплощается божественный план на Земле, а другие – всему тупик и разложение.

Из поваленной ветром сосны Павел изготовил большой деревянный крест, и, установив его над могилой Николая Ивановича, дал залп из обоих стволов над бывшим фронтовиком. А с окружающих озер в это время шел массовый отлет диких уток и гусей. Высоко в небе звучали их звонкие прощальные голоса. Они порой растворялись в белом пухе облаков и вновь выплывали из них, как в детской сказке.

Павел перевел свой взор на трехметровый крест перед собой и в его голове поплыли тревожные мысли. Ведь вместе с ветеранами уходит последнее поколение победителей и создателей, уходят люди, победившие в войне, запустившие первыми человека в космос, поднявшие после войны великую страну из руин, а главное, сами прожившие хозяевами на своей земле и своим потомкам передавшие могучую державу. А мы не удержали. И вот уходят теперь они под улюлюканье бывших плебеев, оболганные и оскорбленные. Невыносима стала для них жизнь, когда поруганы и втоптаны в грязь их святыни, дела и вожди.

Стоял Павел перед крестом, словно на исповеди, и как будто лик Николая, а может и самого Господа, смотрел на него в немом укором, обращаясь один на один к его памяти, совести и душе: «Кто ты, сын мой, и зачем родился на этой Земле? Помнишь ли ты имя свое?» и бессмысленно было перед ним юлить или пытаться что-то скрывать, как пред самим собой. Всем нам в итоге придется за прошлое платить на том суде, где бесполезны оправдания, уговоры и мольбы, когда всего лишены потомки в горьком отчаянии плюнут в спины все промотавшим отцам. А божий суд будет еще суровее земного и провидению уже известен его день и час. Но ничего нельзя будет исправить, когда не станет всадника в седле.

«А кто сейчас снял с нас чувство вины за то, что мы оставляем после себя?» – в который раз задавал себе этот вопрос, погруженный в тяжелые раздумья Павел. Его душа лила беззвучно слезы; и он был рад, что в уединении далеко от никого не мог постичь его печалей, в которых ни согласия, ни примирения нет!

После всех передраг, хоть он остался жив, на нем лежит печать могил друзей, которых пережил, страдания близких и Родины стон, а душу жжет, как пощечина, довольный хохот подлецов. И только здесь он находил покой, среди необъятных просторов небес, долин и лесов,

где сама вечность говорила с ним голосами ветра и шелестом мохнатых крон: «Не падай духом, отрок, за тьмой неизбежно наступит рассвет, и небеса помогут тем, кто будет с нами и с Родной своей». Как священную молитву готов был повторять Павел это откровение небес.

Подняв голову, он посмотрел на небо, ища в нем поддержки, и величественное небо глядело на него взглядом чистым и бездонным. В такой момент, как никогда, становятся понятны уединенные скитания отшельников для постижения истин и сути бытия. Само Мироздание открывает им свои сокровенные тайны, вдали от засилья лжи, мелочной суеты и забот. Но Павлу даже на краю Земли не было покоя.

Осенний день короток, а ему нужно было успеть до наступления ночи предать земле убитого Гришку, чтобы бедолагу не съели лесные звери. Спустившись к волчьему логову, Павел пошарил рукой в его глубине и достал оттуда небольшой, но увесистый рюкзак, который был тяжел не по размеру и крепко-накрепко перевязан веревкой. Закинув его через плечо, он поспешил к избушке. Солнце уже коснулось горизонта, грозя скоро весь мир оставить во тьме, и ему не хотелось ночью копать могилу среди тайги.

Лес встретил Павла надвигающимся сумраком и обволакивающей тишиной в преддверии ночи. Из низин начинал осторожно выползать сизый туман, увеличивая свои владения, его оторванные клочья, погоняемые ветерком, медленно бродили по лесу, подобно привидениям.

Павел медленно шел сквозь заросли и овраги к трупу Горелого, боясь заблудиться в изменившихся вечерних ландшафтах, а тьма все более сгущалась. Наступало время ночных обитателей леса, которые двигаются неслышно, как тени. Таежная ночь полна невидимых побед и поражений, где чей-то вкусный обед неизбежно оборачивался гибелью другого и никто не мог быть уверен, что благополучно переживет эту ночь, когда во тьме бродит так много голодных хищников.

Затаив дыхание и ловя малейшие звуки, передвигался Павел по ночному лесу, а вокруг него слышались подозрительные шорохи, чьи-то приглушенные шаги, будто кто-то невидимый неотступно шел за ним следом. Все же, заплутав в темноте, он забрел в глухой бурелом, непонятно откуда взявшийся на его пути. Сухие сучья рвали одежду, царапали лицо, и, чем дальше продвигался он вперед, пытаясь вырваться из завала, тем гуще становился сухостой, словно черти передавали его из рук в руки, не желая на этот раз отпускать от себя.

У кражистого дерева, разбитого надвое молнией, Павел остановился, пытаясь осмотреться, куда ему двигаться дальше, но неизвестное существо над его головой забило с угрозжающим шипением. Всмотревшись в развилку между двумя могучими ветвями, он разглядел большого филина, который, стараясь казаться еще больше, взъерошился, распустил крылья, и, пригнув ушастую голову, пыхтел и шелкал клювом, моргая большими круглыми глазами, пытаясь напугать нарушителя спокойствия.

Обойдя дерево стороной и оставив в покое сердитого филина, чье возмущенное пыхтение еще долго раздавалось позади, Павел вышел на знакомый косогор, и, преодолевая себя, подошел к месту, где под ветками лежал труп Горелого. Лешего рядом с ним не было, видимо, убежал на ночную охоту, не понимая, для чего его оставили здесь рядом с трупом. Пока Павел блуждал в буреломах, ночь окончательно вступила в свои права: непроницаемая мгла окутала лес и лишь взошедшая Луна слабым светом освещала небольшую поляну. Павел развел костер и начал копать могилу, стремясь побыстрее закончить это муторное занятие в ночном лесу. Одинокий звон его лопаты далеко разносился по затихшим окрестностям. Грунт оказался тяжелым, каменистым, и работа продвигалась медленно. Приходилось то и дело вылезать из могилы и подбрасывать сучья в костер, чтобы не остаться в кромешной тьме.

После того, как Павел сжег в костре все сухие сучья вокруг, в ход пошли ветки, укрывающие Горелого, отчего его труп все более обнажался, что, казалось, это он сам постепенно изпод кучи веток пытается уползти прочь от своей могилы.

Чем глубже Павел зарывался в землю, тем все более вместе с серым туманом в его душу заползал ледяной холодок. Ели все плотнее обступали его, из темноты протягивая к нему свои ветви. А когда огонь костра отбрасывало ветром в сторону и, над Павлом нависала тьма, казалось, что это кто-то, склоняясь над ним, загораживал свет. Затем огонь начинал плясать по сторонам, и все кругом приходило в неопишное движение, как будто над могилой закружили свою дьявольскую круговерть нечистые силы, сбегавшиеся со всего леса, принимать в свой плен грешную душу Горелого, отданную им на адские мучения. В завывании костра ясно слышался их торжественный вой.

И молодая душа, еще трепещущая и живая, увлекаемая непреодолимой силой, с ужасом погружалась в их адский огонь, уже чувствуя опаляющий жар преисподней. Недоразвитая, словно ребенок, она не понимала, почему ее так рано лишили тела и за что она теперь обречена на адские муки в огне. Даже своему недавнему врагу Павел не желал подобной участи, но всадник уже выпал из седла и теперь поздно было что-либо менять. Земля приняла нового постояльца, захлопнув за ним свои тяжелые двери, и лишь Луна печально наблюдала, как чью-то бедную душу тащат черти в подземелье.

В то время, как Павел начал забрасывать могилу землей, внезапно налетел сильный ветер, срывая и кружа над могилой сухие листья с кустов, ели испуганно замахали мохнатыми лапами ветвей, а огонь отчаянно заметался по земле пойманным зверем, не в силах сорваться и убежать; как и мятущаяся душа возле окоченелого тела.

Наступал жуткий час теней. Вовсе усиливающимся шуме ветра и раскачивающихся деревьев слышался чей-то вой, хохот, плач и стон – все смешалось и закружилось в безудержном круговороте. Казалось, слуги дьявола начали справлять свой черный шабаш и вместе с новыми шквалами ветра к ним слетались отовсюду все новые нечистые силы, упыри и вурдалаки, включаясь в общий шабаш.

Непонятный гул в кронах деревьев, вместе с ветром, все более нарастал, как будто сам Вий приближался сюда решать горькую участь грешника.

И слышались призывы:

«Зовите Вия!»

«Пусть он рассудит!»

«Он самый безудержный упырь во тьме!»

«Да здравствует Вий!»

Схватка с медведем.

Вдруг встревоженно вскрикнула ночная птица, и, хлопая крыльями, улетела вглубь леса; спустя некоторое время, словно легкий ветерок прошелся по кустам в направлении Павла, бесшумно их раздвигая.

Павел отступил за дерево и в напряженном ожидании вскинул ружье. Порыв ветра на мгновение раздул затухающий костер, и в его отсвете из темноты сверкнула пара горящих глаз, от взора которых озноб пробирал по спине. Павел с надеждой окликнул Лешего, и тот вышел из кустов на поляну, виновато махая пушистым хвостом. Они были счастливы встрече с друг другом. Даже обычно сдержанный, Леший встал во весь свой гигантский рост, и, положив Павлу лапы на плечи, старался лизнуть его лицо. Вдвоем они отправились в избушку, и темный лес как будто расступался перед ними. Спустившись с косогора, Леший повел Павла по лощинам между холмов, где не так густо росли деревья, но было очень влажно. Сырая почва хлюпала под ногами; и туман был такой густой, что слабый луч фонарика упирался в него, как в стену, беспомощно рассеиваясь по сторонам. Поэтому больше приходилось полагаться на интуицию Лешего, и она его не подводила, они быстро продвигались вперед, ловко обходя гиблые места и завалы. Вскоре Павел почувствовал под ногами более твердую почву и понял, что они вышли на звериную тропу. Ему даже показалось, что они проходили по ней в прошлый раз.

Внезапно остановившись, Леший начал усиленно нюхать воздух вокруг, и Павел заметил, как у него на загривке встала шерсть дыбом. Подойдя к нему, он опустил луч света на тропу, и у него у самого зашевелились волосы. На рыхлой почве он увидел четкие отпечатки огромных лап медведя, каких видеть ему не доводилось, но самое страшное, что вода еще продолжала заполнять их, а стало быть, монстр прошел здесь только что, и, возможно, услышав позади себя шаги, затаился где-нибудь поблизости, наблюдая за ними со стороны.

Зияющая мгла холодом опасности и звенящей тишиной вновь окутала все вокруг, поглотив в себя все остальные звуки, ее можно было ощутить на себе, как липкий густой туман. Подобно радиации, беспрепятственно проникала во внутрь и студила кровь. Однажды Павел видел, как медведь яростной горой вскакивает из засады, сметая все на своем пути, и даже точный выстрел не может сразу его остановить. Медведь сперва умирает, а потом силы его покидают. У него лишь два смертельных места – мозг и сердце, величиной с ладонь, в которые не просто попасть в движении и невозможно в темноте. Другие раны лишь увеличивают его ярость. И чем медведь больше, тем он умнее и коварнее, за счет прожитых лет и накопленного опыта.

Понимая всю опасность сложившейся ситуации, Павел стоял со вскинутым ружьем, напряженно вслушиваясь и глядя в ночной сумрак, но вся надежда у него сейчас была на Лешего, который бесшумно исчез в темноте. Вдруг совсем близко раздался захлебывающийся от злости лай Лешего, и тут же, в ответ, мощный гортанный рев потряс воздух, от которого невидимый зверек из-под ног Павла бросился с земли по дереву наверх, ища там спасения, и, обдав его ошметками сухой коры, испуганно затих где-то наверху. Между тем, шум от борьбы о треск ломаных сучьев впереди усиливался, лай уже от захлестываемой его ненависти переходил в конце на свирепое завывание, а ужасный рев хрипел от напряжения, словно медведю от ярости сводило скулы.

Терзаемый переживанием за лешего, и не зная, как ему помочь, Павел начал палить из ружья наугад в темноту, поверх их голов. Шум борьбы начал постепенно стихать, удаляясь все дальше, вглубь тайги. Он подбежал на место, где только что была схватка, и его взору, в свете фонаря, открылась жуткая картина. Полностью вытоптанная поляна с поломанными кустами и мелкими деревьями, на обломанных сучьях висели клочья черной и серой шерсти, колтыхаясь на ветру. Вздрыбленная трава, как рваная кожа Земли, была беспорядочно разбросана вокруг.

Вырванная с дерном и корнями чудовищными лапами, она обнажила зияющие земные раны, которые медленно наполнялись темной водою, как кровью. Леденящим дыханием смерти пахнуло на Павла.

Что было силы закричал он во тьму, подзывая Лешего к себе. Шум борьбы уже стих, и в наступившей тишине раздавался лишь рев удаляющегося медведя. С тревожными предчувствиями, Павел, не разбирая дороги, побежал в сторону стихшей схватки. Вылетающие из темноты ветки плетью хлестали по лицу, но он не ощущал боли, продираясь вперед сквозь заросли и кусты. Сердце билось, словно колокол в груди, а воображение рисовало страшные картины. Пока ему навстречу не выбежал запыхавшийся Леший. Павел попытался его осмотреть, но Леший неуловимо вертелся вокруг него, еще разгоряченный схваткой с медведем. К счастью, на нем не оказалось глубоких ран, и, немного успокоившись, они побрели к избушке, два верных друга.

Вскоре они вышли на берег реки, и в лунном свете четко вырисовывались два силуэта: человека и волка, как много тысяч лет назад. Слева от них неприступно возвышалась зубчатая стена хвойного леса, на темном фоне которого белыми изваяниями выделялись стройные березки, словно обворожительные нагие девушки, манящие к себе из зарослей соблазнительно раскинутыми белесыми прелестями. С другой стороны, за рекой, расстилались мокрые луга, посеребренные росой и лунным светом. Они океанскими волнами переливались на ветру, а разбросанные по ним холмы, как океанские лайнеры скользили по их волнам в таинственные дали под бездонно-звездным небом, без конца и без края.

Словно грозными тучами и белыми облаками пронеслись над землей эры, эпохи и цивилизации. Отгремели громами войн, молниями злости, пролились дождями крови и слез, на всем протяжении гордо отсвечивая золотым блеском богатства и власти. Но, гонимые ветрами времен, унеслись прочь, растворившись бесследно в пучинах вечности. Своим примером, оставив назидание потомкам: надо верить лишь в то, что вечно, без начала и конца. Необходимо сохранить в себе священный огонь, пронести этот отблеск вечности через эпохи и тысячелетия, чтобы в конце длинного пути он засиял в тебе, как маленькое солнце, подарив блаженство истинного счастья и вечности. С легким сожалением лишь вспомнив о тех, кто встречался тебе на пути, но в угоду сиюминутным интересам задул свою свечу, погрузившись во мрак корысти, и бесследно растворился во мгле времен, как досадное недоразумение природы.

Вернувшись в избушку, Павел накормил Лешего мясом, и, когда он, сытый и довольный, растянулся на траве у входа, затопил печь, наблюдая, как веселые зайчики от огня забегали по бревенчатым стенам коморки. А он все еще находился под впечатлением промчавшихся лихой каруселью трагических событий, словно время, сжавшись в тугий клубок, посылало ему одно испытание за другим, проверяя на прочность. А сердце терзало предчувствие гораздо больших бед. Тревожное ощущение предположительности дальнейших испытаний витало в воздухе над ним, и никакая земная сила была не в состоянии их предотвратить, раз в действие вступал неотвратимый рок. Павел сознательно вступил на этот путь, чтобы разбить невидимые цепи дьявола, не в силах больше выносить духовного и нравственного глумления. Отбросив все сомнения, положившись на бога и судьбу, он сам дал знак высшим силам, что готов сыграть с судьбой в орлянку. Откликнувшись на его страстный призыв, они понесли Павла через горнило испытаний, чтобы понять, кто к ним обращается и зачем, прежде, чем дать ему шанс или вынести свой суровый приговор. Но он так же знал и верил, что если господь дает человеку мечту, он дает и возможность ее исполнить, даже когда, казалось бы, все карты биты.

В задумчивости отпивая горячий чай, Павел вспомнил про рюкзак ветерана. Достал его из-под нар, но тугой узел не поддавался, и пришлось разрезать тесьму ножом, после чего старый рюкзак, наконец-то, открыл свое сокровенное нутро. С волнением Павел запустил в него руку и нащупал там туго набитые целлофановые мешочки, отдающие металлическим хладом. Он стал вытаскивать их по одному на стол, и они таинственно мерцали в отсветах огня желтым блеском

золотых самородков. Вскоре, семь аккуратно завязанных мешочков лежали на столе, в них еще чувствовалось тепло рук Николая Ивановича, жили его сокровенные чаяния и надежды, словно своим падением, он хотел возродить их в других, более сильных и молодых.

Павел сидел перед золотом, откинувшись к стене, а в игре бликов света и теней, от пляшущих языков пламени в печи на противоположной стене стали проступать образы сказочных героев, дорогих и знакомых с детства. Затем их сменили средневековые искатели сокровищ, путешествующие по безбрежным морям и океанам, далеким островам и материкам, никогда не теряющие присутствие духа и благородства, смекалки и отваги. Вместе с ними шум морских волн и крики чаек, унося думы Павла в далекие романтические странствия, полные опасностей, неизведанных тайн и приключений.

Пока Павел добавлял в печку дров, на их место пришли ковбои и охотники за индейским золотом. Выросли высокие голые скалы, разрезанные головокружительными каньонами, над которыми по узким каменным карнизам, вышибая искры из-под копыт, бешено неслись всадники в широкополых шляпах, уходя от погони. Позади их звучали улюлюкающие крики краснокожих и пули, со свистом проносились над их головами. А высоко над всеми в раскаленном мареве неба неспешно кружили огромные грифы, терпеливо ожидая своих очередных жертв – охотников за золотым Тельцом.

По мере того, как дрова прогорали, стали проявляться суровые северные ландшафты, такие знакомые и родные Павлу. Уже Белый Клык внимательно взирал на него со стены, удивительно похожий на Лешего. И вот уже упряжка с нартами неслась среди белых снегов в неизвестность, в попытке найти и застолбить золотоносное место. Брызги снега вырывались из-под ее полозьев, клубясь и переливаясь серебром на морозе, да низкое солнце, утопающее в белой дымке стужи, слабо освещало путь. Чтобы совсем не стемнело, Павел, нехотя поднялся, с трудом отрываясь от захватывающих видений, и добавил в затухающую печку дров.

Вновь южное солнце озарило ярким светом какой-то старинный город. И он с трепетом узнал в идущем по его узким улочкам важном господине – самого графа Монте-Кристо, возвратившегося в город своей юности восстанавливать поруганную честь и справедливость, вершить свой суд над барыгами и подлецами, открыть их истинные лица, мотивы тайных преступлений.

С интересом наблюдая за разворачивающимися перед ним волнующими картинами, Павел с изумлением ловил себя на мысли, что видит перед собой свою собственную судьбу. Свое детство, украшенное героями сказок, юность, озаренную мечтами о далеких путешествиях и приключениях, потом службу в горах Афгана. Наконец, нынешнее одиночество с Лешим на севере, вдали от родного дома, и получение неожиданного богатства из рук умирающего старца. Стало быть, далее, согласно полученному предписанию, ему надлежало стать самим графом Монте-Кристо! Верителем справедливости и божественного правосудия, от осознания этого пророчества его бросило в холодный пот. Но разум успокоил чувства. Если ангелы способны обращаться к человечеству людскими устами, то и справедливость они вершат через людей. Важно услышать и понять их тихий голос в себе, и, очнувшись от бессмысленного прозябания, стать божественным правосудием на Земле.

Грозный медвежий рев из леса прервал его раздумья. В ответ ему тут же прозвучал устрашающий вой Лешего, принимающего вызов медведя. Не желая допустить их новой схватки, Павел, захватив ружье, выбежал наружу, и, дождавшись, когда медведь вновь заревет, выстрелил в темноту леса, в направлении голоса. Рев прервался, но вскоре раздался с другого места.

Постепенно его осенила жуткая догадка, что медведь никуда отсюда не уйдет, ведь он пришел за золотом Ахтубы. Выстрелив еще, для острастки, в воздух и строго наказав Лешему находиться около избушки, он зашел во внутрь, и, опустившись на нары, искал выход из создавшейся ситуации. А из леса продолжал доноситься рев медведя. Павел понимал, что это дух в медведе вызывает его на бой, и другого выбора у него нет. Огромная тайга стала мала для

двоих. Но он ни за что не хотел рисковать больше Лешим, да и свой спор за золото они должны были решить только вдвоем с медведем.

Приняв окончательное решение, Павел начал складывать мешочки с золотом в рюкзак, как вдруг на дне обнаружил таинственный сверток, аккуратно обернутый в целлофан. Осторожно его, развернув, он увидел фотографию, с которой ему улыбалась миловидная молодая женщина с ребенком. Он сразу понял, это были дочь с внуком Николая Ивановича. Вот ради кого он пошел против самого Ахтубы и чью фотографию носил с собой как святыню.

Приветливый взгляд обаятельной блондинки словно заглядывал в душу, слегка будоража воображение. От нее повеяло теплом родного края, в котором он давно уже не был, но все еще грезил вернуться долгими северными ночами. Пахнуло той беззаботной, душевной жизнью, в которую уже не ходят поезда. У Павла екнуло сердце, что вскоре он, может быть, вернется домой и встретится с этой незнакомкой. Осталось только разобраться с бандой Гарри Бешеного и сразиться завтра один на один с медведем, который все еще вызывающе ревел в лесу. И не хотелось думать, сколько шансов в этих поединках оставалось ему.

Внимание Павла привлек пожелтевший от времени, свернутый в трубочку лист бумаги. Развязав тесемки и расстелив его на столе, он, затаив дыхание, стал с любопытством вглядываться в его полустертые линии, и с трудом различимые в мерцающем пламени свечи. Через некоторое время у него не оставалось сомнений, что перед ним лежала та самая карта, на которой был указан маршрут экспедиции и указан тайный проход в ущелье, за которым находилось золото. Эта карта была, как пригласительный билет в самое сердце каменного царства Ахтубы, но это был билет в один конец.

По спине Павла пробежал озноб, но ясно видел, как чья-то неведомая рука все продолжала опутывать его неразрывными нитями обстоятельств, которых он не мог избежать, и вела его в самую пучину испытаний. Как он ни старался вырваться из них, они лишь неотвратимо нарастали с каждым его шагом. Павел чувствовал себя, словно бредущим в гигантском таинственном лабиринте, который как живое чудовище, все более усложняя условия, ждет единственной ошибки, чтобы безвозвратно поглотить в своем бездонном чреве. Ведь, не пройдя теперь по маршруту, по которому смог пройти старик, он не сможет себя уважать, а без этого жизнь не имеет смысла. Таким образом, жребий был брошен, и он полностью вверял себя в руки судьбе.

И вздохнув, он стал складывать назад золотые мешочки, мечтательно задержав свой взгляд на фотографии, с улыбающейся незнакомкой лукаво подмигнув ей «до встречи», аккуратно убрал ее вместе с картой в рюкзак.

Ночь была уже на исходе; и Павел, потрепав по загривку Лешего, сопровождающего его по пятам, вернулся в избушку, пытаясь хоть немного вздремнуть перед завтрашним поединком с медведем, чей хриплый рык все еще слышен в лесу. В хорошо протопленном помещении усталость быстро сковала Павла, и он провалился в короткий тревожный сон.

Хмурое утро насупило незаметно. Поежившись от прохладной сырости воздуха, Павел сбегал с чайником к реке, заодно ополоснувшись в ее студеной воде, и, вернувшись, по-братски разделил с Лешим остатки мяса. Растопив печку и согревшись, горячим чаем, он подошел к Лешему и нацепил ему на шею ошейник с кошельком, в который вложил записку Алексею с просьбой насыпать соли. Они иногда так поступали, если у них что-нибудь кончалось, а сейчас ему просто было нужно остаться одному. Павел напоследок посмотрел Лешему в глаза, но тот, будто заподозрив подвох, вертел лохматой головой и ни за что не хотел уходить, напряженно вглядываясь в лес.

Медведь где-то затих, но Павел шестым чувством ощущал близкое присутствие зверя. Невидимый поединок между ним и медведем уже начался. В конце концов, ему удалось отправить Лешего в поселок. Он еще с тайной надеждой, что его могут вернуть, оглянулся перед лесом и исчез за разлапистой елью. Оставшись один, Павел почувствовал, как ободряющие

мурашки от ощущения близкой опасности, забегали по всему телу. В избушке он сел к небольшому окошку и стал осматривать готовность ружья.

В этот момент какая-то тень загородила свет в окне. Подняв голову, он увидел, как огромная, по-лошадиному вытянутая голова медведя злыми глазами в упор смотрела на него. Доли секунды они изучающе смотрели друг на друга перед схваткой, затем последовал удар, раздался звон разбитого стекла, и на месте, где только что сидел Павел, с бешеной скоростью замелькала когтистая медвежья лапа. Но он уже успел отскочить к стене, и, пока вскидывал ружье, медвежья лапа исчезла в окне.

Опытный медведь заскочил на крышу, пытаясь разрушить ее. На счастье Павла избушка была полностью срублена из толстых бревен, потолок под тяжестью огромного зверя, прогибался, скрипел, но не сдавался. Медведь наверху ревел от досады, в бессильной ярости скреб по бревнам когтями, а Павел внизу молился, чтобы потолок выдержал, не похоронив его под собой. Наконец, медведь, поняв тщетность своих усилий, грузно спрыгнул с крыши, и, решив избрать иной способ, стал в раздумье ходить вокруг избушки. Павлу оставалось только ждать, держа под наблюдением дверь. Он напряженно силился предугадать, что может предпринять медведь на этот раз. Даже через бревенчатые стены ощущалась энергетика и мощь зверя, она, казалось, заполняла все вокруг, подавляя все силы к сопротивлению. Павел порой чувствовал себя, как небольшой зверек, пойманный в ловушку.

Неожиданно мощный удар в стену отбросил его к противоположной стене. Вскоре удар повторился снова, до основания сотрясая избушку, медведь отходил в сторону и с разгону врезался в нее всей своей тушей. Павлу стал понятен его замысел, он тут же рванулся к двери, но ее уже намертво заклинило меж косяков, а бедная избушка после каждого удара судорожно вздрагивала и, натужно скрипя, все больше подавалась набок. Низ ее от времени подгнил и уже не выдерживал все более усиливающегося медвежьего натиска. Зверья от собственной мощи и предвидя скорую победу, медведь, оглушительно взревев, в решающем броске, обрушил на нее всю свою силу. Избушка дрогнула, и, не выдержав чудовищного удара, с жутким треском и скрипом, похожим на человеческий стон, рухнула, сложившись как карточный домик. Павла швырнуло на пол и погребло под грудой бревен. Свет тотчас погас над ним. А где-то наверху торжествующе ревел медведь, он пытался докопаться до поверженного врага, шумно внюхиваясь и царапая бревна толстыми когтями, но они переплелись в такой коловорот, что их невозможно было растащить даже бульдозером. Напоследок, издав победный трубный вопль, черная громада с седым воротником и лошадиной мордой, не спеша, двинулась вдоль берега, время от времени оглядываясь назад и пугая все живое вокруг ужасным ревом.

Для Павла же битва еще не закончилась. Очнувшись, он стал протискиваться вдоль бревен на свет, не выпуская ружья из рук, и последним усилием воли смог выбраться наружу. С сожалением, он осмотрел то, что осталось от разрушенного жилища. Это какой же невероятной силищей нужно было обладать медведю, чтобы сотворить подобное! Снаружи разгром казался еще более ужасающим, чем изнутри.

Бревна бедной избушки, как вывернутые кости, беспорядочно торчали в разные стороны. Павел, словно живое существо, поблагодарил ее за приют и спасение, чувствуя, как ненависть к зверю за порушенный кров рождается в нем. Даже на краю света ему не было спокойной жизни. всюду найдутся тайные или явные враги, для которых всегда будет лучше, когда ты скорее мертв, чем жив. Таковы неумолимые законы борьбы за выживание. Ну что ж, Павел был готов к борьбе, ведь теперь он знает и ненавидит своего врага точно так же, как и он его. Даже лежа под своим разрушенным жилищем, он верил, что пока жив, у него всегда есть шанс, помня байку опытных таежников, что только когда человек поверил, что он погиб, тогда он действительно погиб.

Павел осмотрел оставшееся снаряжение при себе: два патрона в стволах и охотничий нож за поясом. Их шансы почти равны, но, в любом случае, медведь не должен сейчас от него

уйти, чтобы спустя некоторое время, Павел из охотника не превратился в жертву, на рыхлом прибрежном грунте четко отпечатались крупные следы зверя, от их размеров веяло холодом смерти, но Павел уже принял решение и поспешил в погоню. Подойдя к повороту, он выглянул из-за кустов и вдалеке увидел удаляющуюся черную гору, неторопливо бредущую в направлении горизонта, где лес подступал к горам. Спокойная уверенность и величавая безмятежность ощущались в каждом движении могучего зверя, у которого больше не было соперников на этой земле. И у Павла екнуло сердце от того, что они вынуждены были стать смертельными врагами, но если злое чудовище, скрытое в нем, разрушив твой дом, пытается лишить тебя жизни, и, тем самым, нарушить завещание Николая Ивановича, ввергнуть в нищету и лишить будущего его детей и внуков, то неизбежно предстоит жестокая битва, в которой победа одних означает гибель и забвение других; он также отлично знал, что жалость к врагу делает его соучастником дальнейших преступлений против своего народа, а это ведет к душевному опустошению и кармическому наказанию, отбрасывая на самое дно в иерархии человеческого развития.

Седовласый исполин шел не спеша, и дистанция между ними быстро сокращалась, оставалось уже совсем немного сблизиться до убойного выстрела, но ветер внезапно переменялся, и его порыв донес до медведя человеческий запах. Он с ревом вздыбился во весь рост и с трехметровой высоты с ненавистью взирал на Павла, оказавшись еще больше и страшнее, чем он себе его представлял. Не давая волю чувствам, Павел вскинул ружье в направлении медведя, и, стоя, ждал его приближения, помня совет бывалых охотников, что когда медведь огромными прыжками несется на тебя, есть только одна возможность – остановить его точным выстрелом; когда он, с лета припадает к земле и на мгновение замирает перед новым прыжком, в этот момент нужно стрелять ему в голову, больше шансов зверь человеку не оставляет.

Опытный медведь замысел Павла разгадал; издав громоподобный рев, он опустился на четыре лапы, и, развернувшись, исчез в лесу, предпочитая там сразиться с человеком. Павлу ничего не оставалось, как принять его условия, и он шагнул в темные дебри тайги. Все его чувства были напряжены, как струны, казалось, сейчас он мог видеть сквозь деревья и слышать, как падают на траву сухие листья. Прихлынувшая к голове кровь, стучала в висках, как взведенный часовой механизм, отсчитывая секунды до схватки.

Тайга встретила привычным осенним сумраком и туманной сыростью, как в заколдованном царстве. Настороженно застыли, ошетилившиеся колючими иголками ели и сосны, да из тумана сиротливо торчали голые ветки кустарников. Павел осторожно продвигался в направлении медведя, стараясь обходить погруженные в сумеречные тени густые заросли и глухие завалы, где зрение теряло силу, а непроходимые буреломы сковывали движенья. Ветер веял меж деревьев и менял направление, не давая Павлу возможности зайти к зверю с подветренной стороны, тем самым помогая медведю, дремучая тайга, для которого была его родной стихией. Но Павлу помогало некое шестое чувство, позволяющее ему вовремя обнаруживать медведя в засаде и держать его на безопасном расстоянии.

Так и кружили они по тайге, как беззвучные тени, пытаясь, заманить друг друга на свою территорию, медведь – в буреломе, а Павел караулил его на открытых местах. Иногда явственно чувствуя тяжелый взгляд зверя, он обходил опасное место с другой стороны, но там уже было пусто. Майка его взмокла от напряжения и неприятно холодила тело.

На опушке, у чащобы, он увидел огромную поваленную бурей старую сосну. Ее вывернутые кривые корневища и толстые сучья густо обросли лишайниками, которые длинными прядями свисали, как рваные лохмотья паутины. Земля постепенно поглощала в себя упавшего великана. Проходя мимо этой заросшей валежины, Павел почувствовал, как сильнее у него забилося сердце, и ускорился отсчет секунд в висках, он понял: за ней затаился враг и до его броска оставались мгновенья. Резко отпрянув назад и выждав несколько секунд, Павел стал медленно обходить валежину сбоку, и увидел, как черная тень метнулась из-за нее в чащобу. За сосной он обнаружил, как примятая к земле трава едва начинала распрямляться, а свежие

медвежьи следы уходили в самую глушь тайги, утопающую в полумраке густых зарослей и буреломов.

Павел остановился в тягостном раздумье: смертельная игра в прятки не могла продолжаться бесконечно, и нужно было на что-то решаться. Время сейчас играло на стороне медведя. Остаться с наступлением ночи с ним один на один в тайге, означало – верную гибель. И, настороженно озираясь по сторонам, он пошел по медвежьим следам вглубь тайги. Густые кроны сосен закрывали дневной свет, а каждый из многочисленных завалов таил в себе опасность. Даже почерневший от времени и обросший поганками старый пенек смотрелся издали притаившимся зверем, а неожиданно вспорхнувшая с раскачивающейся ветки лесная птица заставляла учащенно биться сердце. Постепенно тревога и опасность вместе с холодными туманами окружили Павла со всех сторон, а следы уводили его все дальше, в самые глухие таежные дебри, откуда теперь уже выхода не было ни вперед, ни назад. Завалы, покрытые толстыми мхами, все чаще встречались на его пути, а проходы между ними становились уже, что вынуждало Павла проходить от них в опасной близости, держа наготове ружье.

Он осознавал, что матерый медведь заставляет его вести поединок по своим правилам, но тайга, с цепочкой медвежьих следов, словно сама втягивала Павла в себя, и чем дальше заходил он в ее все более темные чащобы, тем сильнее становилось их губительное притяжение, как будто мощный магнит скрывался в самой ее глуши.

Петляющие среди буреломов медвежьи следы вывели Павла на крутую возвышенность, поросшую молодой смешанной порослью осин и елей. Среди мелькания он увидел непроходимый завал из деревьев – исполинов. Давний ураган разметал стареющих гигантов, навалив их в беспорядке, друг на друга. Веками росшие вместе, они и теперь лежали, намертво сплетенные мощными ветвями, как родные братья, навеки обнявшись в роковом падении.

Следы медведя терялись на твердой каменной возвышенности, и Павел остановился, крепко задумавшись над ситуацией. До сих пор он преследовал зверя, но теперь все могло измениться с точностью до наоборот посреди бескрайней тайги. Где медведь сам мог выбрать место и время для своего нападения из засады. Преодолев сомнения, Павел двинулся в направлении бурелома, в надежде там обнаружить пропавшие медвежьи следы.

Не успел он сделать несколько шагов, как над завалом раздался встревоженный вороний крик. Слетая с ветки на ветку, ворон стремительно пикировал вниз, словно кого-то там атакуя. Павел замер на месте, напряженно вглядываясь в кучу поваленных деревьев. В этот момент, как внезапный взрыв, раздался треск ломаемых сучьев, и из засады выскочил медведь, сметая все на своем пути, и ревушей горой, бросился на Павла. Он успел только вскинуть ружье – и, не целясь, в упор выстрелил в широко раскрытую клыкастую пасть. Взревев от боли и мотая лошадиной головой, медведь метнулся в сторону зарослей и исчез внизу косогора, в ложбине.

Павел стоял, оцепенело, словно молотом, оглушенный медвежьим ревом, а в глазах еще зияла огромная пасть зверя с желтыми клыками, и мелькали перед самым лицом его мощные лапы. Подойди он на несколько шагов ближе к завалу или на мгновение промедли с выстрелом – и все было бы уже кончено, но не в его пользу. Он подошел к месту, где прятался медведь, обходя по пути сломленные им в момент атаки, как спички деревца, и обнаружил там старое логово с остатками линялой медвежьей шерсти. Стало быть, медведь намеренно вел его сюда, как в смертельную ловушку. Тут Павел вспомнил про ворона, предупредившего его в самый последний момент. Ему показалось, что он узнал в нем своего старого знакомого – седого ворона и даже узнал его хриплый голос, во всяком случае, очень хотелось в это верить.

Хитрые вороны и сороки часто наводят охотников на добычу, в надежде потом полакомиться остатками их пищи. Но гигантский медведь мало походил на чью-либо жертву, а поэтому старый ворон помог Павлу явно не по этой причине, а потом куда-то улетел по своим делам. Павлу тоже нужно было спешить, чтобы не упустить медведя, ведь выживший раненный зверь становится осторожен и опасен вдвойне. Спустившись с косогора, он вскоре обнаружил

на мягком грунте низины отчетливые медвежьи следы, которые удалялись от места схватки сначала большими прыжками, а затем перешли на размашистый шаг. Крови нигде не было видно, а стало быть, пуля прошла по черепу вскользь, только оглушив медведя, и сорок он должен прийти в себя. А у Павла в ружье остался всего один патрон – и больше не было права на ошибку. Теперь к медведю нужно было подходить до верного выстрела, а сделать это будет очень сложно, зная его ум и опыт. Сейчас он попробует затаиться в самом недоступном для человека месте, залечивая рану и собирая силы для отмщения. Как видно, кабала сурового жребия намертво сковала между собой нерушимыми цепями человека и зверя, неотвратимо ведя их к роковой развязке, где право на жизнь получит только один. Закон тайги неумолим.

Помня об убывающем времени, Павел быстро продвигался вслед за медведем. К его удивлению, следы больше не петляли среди буреломов, глухих зарослей, по сопкам и завалам, где все таило в себе опасность и возможность для засады. На этот раз следы шли в одном направлении, по низинам среди редколесья. Было очевидно, что медведь, больше ни на что, не отвлекаясь, целенаправленно шел в какое-то определенное место. Однако, оставалось загадкой: он хочет там залечь и надолго затаиться или снова готовит ловушку?

Несомненно, оставалось только одно: их поединок продолжал проходить по сценарию медведя и только в удобных для него местах. Становилось не по себе от осознания подобных умственных способностей зверя и его возможностей в смертельной борьбе за выживание, спрятанных за грубым звериным обликом. Заблуждение на этот счет чуть не стоило Павлу жизни, но теперь, когда он узнал настоящую силу зверя, у него остался только один патрон и безвозвратно уходящее время.

Необходимо было спешить – и Павел прибавил шагу. Следы вывели его на старую заросшую звериную тропу, которая уходила в неизвестную ему глухомань, все дальше и дальше уводя от избушки, откуда он мог не найти уже обратной дороги. Но Павел продолжал настойчиво идти, увлекаемый свежими следами на тропе. Неожиданно, впереди, между деревьев, показался странный просвет, и, осторожно подойдя к открытому месту, он увидел, куда так целенаправленно вел его медведь.

Измученному взору Павла открылись неприступные скалы, отвесной грядой возвышающиеся за рекой, и узкой полосой равнины. Об их древнем происхождении указывали много повывавшие на своем веку голые каменные склоны. Они были буквально испещрены многочисленными трещинами и расщелинами, образованными разрушающимися от дождей, ветров и времени горными породами. Поэтому восхождение на такие скалы грозило смертельной опасностью, где ни на один камень нельзя было с уверенностью опереться, не опасаясь, что он не рухнет с тобою в пропасть.

В этот момент из-за обвалившейся с гор каменной глыбы, поднялся во весь свой исполинский рост медведь, и, повернув мохнатую голову, долгим изучающим взглядом посмотрел на Павла. Они на несколько мгновений неподвижно застыли, внимательно глядя друг другу в глаза, как будто в последний момент пытались постичь сокровенную тайну врага перед смертельной схваткой. Впервые разглядев медведя так близко, Павел был поражен истинными размерами гиганта и темнотой его, почти, что черной шерсти, которая была посеребрена сединой на загривке и тонкой светлой полосой струилась по всему хребту. Но особое впечатление производит необычный взгляд зверя, пылающий жгучим, сумрачным огнем, будто это не медведь, а неизведанное существо, вселившееся в медвежью шкуру, пристально всматривалась оттуда в Павла.

Как только Павел, словно отойдя от гипноза, вспомнил про ружье, медведь, мотнув своей тяжелой головой, растворился в скалах, приглашая его за собой, и Павел принял вызов зверя. Перебравшись через бурлящую речку, он вступил в каменные джунгли. Испещренные провалами и гротами они таили в себе опасность и возможность для засады, а каждый шаг по осыпающимся камням гулким эхом отдавался между скал, выдавая самого Павла и мешая ему

определить, где притаился медведь. Лишь богатый опыт службы в горах давал ему шанс на выживание в этих каменных лабиринтах. Осторожно петляя по каменным закоулкам, он медленно продвигался вглубь скал, чутко ориентируясь по приглушенным шагам зверя, которые неуклонно вели его наверх.

Неожиданно все звуки разом смолкли, и Павел вышел к зияющему своей непроницаемой чернотой каменному гроту. Сколько он не всматривался во тьму, но лишь слабое журчание ручья, да острое ощущение присутствия рядом зверя – было ему ответом. Дальше идти было нельзя. У него оставался один проверенный способ: сняв с себя куртку, он завернул в нее большой камень и с шумом запустил ее во тьму. Как ударной волной, страшный рев медведя оглушил его из глубины пещеры, как будто там завязалась яростная схватка, но, поняв коварный обман, медведь, воя от досады и разбрасывая камни, бросился к противоположному выходу пещеры.

Обождая, пока на другом конце стихнут все звуки, почти на ощупь, Павел вошел в пещеру. Некоторое время он двигался в абсолютной темноте, но, постепенно его глаза привыкли к мраку подземелья и вокруг него стали проступать острые контуры выступающих камней. У большого валуна, который еще хранил терпкий запах прятавшегося за ним медведя, Павел нашел свою растерзанную куртку. Выйдя на свет, он с трудом узнал в ней свою недавнюю одежду: вспоротая мощными когтями, она, своим жалким видом предупреждала, что было бы с ним, войди он первым в черный проем.

Выбросив бесполезную теперь куртку и держа наготове ружье, он продолжил преследование зверя. Дальнейший путь, поднимаясь винтовой лестницей вокруг скалы, уходит за поворот по узкому каменному карнизу над отвесным обрывом. Вокруг опять наступила настораживающая тишина, будто медведь готовил ему очередную западню, стремясь взять реванш за обидный промах. Томительная неизвестность изматывала больше всего, но то, что случилось дальше, не ожидал никто.

Внезапно наверху послышался неясный рокот, постепенно усиливающийся, по мере приближения, и Павел с ужасом понял, что это – каменный обвал. Он стремительно несся на него сверху, попутно набирая скорость и мощь. На узком карнизе у Павла не было шансов спастись. Быстро осмотревшись вокруг, он увидел небольшой каменный выступ в отвесной скале и в последний момент заскочил под него. Мгновенье спустя, камнепад с грохотом обрушился вниз, угрожающе сотрясая выступ под ним. Камни с сухим треском падали на узкий карниз, и, отскакивая, улетали в бездонную пропасть ущелья.

Прижавшись к скале, Павел только молил, чтобы защищающий его выступ выдержал удары падающих камней, он уже слышал, сквозь грохот камнепада, его роковое потрескивание. Камнепад также внезапно прекратился, как и начался. Павел еще продолжал неподвижно стоять под выступом скалы, осматривая заваленный камнями путь, как наверху раздался торжествующий рев медведя, который принял наступившее затишье за свою победу. Стало ясно: это он устроил каменный обвал. Павел присвистнул, чтобы тот не сильно радовался раньше времени, и, сбрасывая с карниза камни, стал осторожно продвигаться вперед. Вершина скалы была уже близка. Шаг за шагом поднимался он на самый верх скалы, но опытный медведь, затаившись перед броском, ничем не выдавал себя, и только ветер одиноко свистел над вершиной.

Посмотрев наверх, Павел заметил высоко в небе кружащегося над ними большого орлана, внимательно наблюдавшего сверху за поединком человека и медведя. Ему уже совсем немного осталось ждать, чтобы узнать, кто на этот раз станет его добычей. И как-то не по себе становилось от подобного наблюдения. С сожалением вспомнив, что у него остался только один выстрел, Павел, крепко сжав ружье, стал приближаться к огромному валуну, единственному месту на голой вершине, где мог прятаться медведь. Он намеренно громко шаркал ногами о камни, надеясь, что у зверя не выдержат нервы и он раньше времени выскочит из-за укрытия под выстрел. Но медведь сохранял поразительную выдержку, ничем не выдавая себя...

противостояние характеров достигло предела. У Павла постепенно проступил холодный пот, а ноги, словно чужие, отказывались идти дальше. Расстояние между ним и медведем становилось угрожающе близким: всего в один прыжок зверя. Ситуация начинала окончательно выходить из-под его контроля. Тогда Павел решил повторить свой проверенный трюк. Он снял с себя сапог и запустил его за валун, но на этот раз ему ответом было – лишь зловещая тишина. Делать было нечего, и Павел пошел навстречу зверю. Держа наготове ружье, он осторожно заглянул за валун, но там одиноко валялся лишь его старый сапог. Медведя не было за валуном, а значит – и на скале!

В недоумении оглядывая голую вершину, он, осененный внезапной догадкой, подбежал к самому краю обрыва, но только сорвавшиеся камни из под его него, дождем посыпались вниз, на дно глубокого ущелья. За ущельем, на расстоянии трех метров, начиналась соседняя скала, куда, вероятно, и ушел от него медведь. Павел обессиленно опустился на самый край утеса. От высоты и обиды кружилась голова, и темнело в глазах, а восходящие потоки воздуха со снисходительной насмешкой трепали волосы, что, мол, возьмешь в горах с человека, три метра для него это бездна. Его сознание отказывалось верить, что все его усилия были напрасны, и зверь так легко ушел у него из-под самого носа. Он много пережил в своей недолгой жизни, но такого бессилья и позора – никогда!

Павел вскочил, и в поисках выхода, стал лихорадочно ходить вдоль обрыва. Его взгляд упал на одинокую сосну, чудом выросшую на уступе скалы, немного ниже ее вершины. Завораживающе красива была столь суровая картина жизни у бездны на краю. Чем-то он и сам был похож на эту сосну. И к Павлу пришло решение, отрезавшее ему все пути к отступлению.

Рискуя сорваться вниз, он по отвесному склону спустился на этот уступ, и, упершись спиной к скале ногами, надавил на ствол сосны. Она чуть качнулась, но устояла. Тогда он стал увеличивать давление, и бедная сосна, со стоном подавшись от родной скалы, начала все больше склоняться над пропастью. Ее корни лопались один за другим с омерзительным хрустом, как жилы, пока вершина сосны не коснулась противоположного склона, образовав хрупкий мостик над бездной.

Подавив в себе отчаянный крик всех протестующих чувств, Павел, прижавшись к стволу сосны, начал медленно ползти по ней на другой край ущелья, стараясь не смотреть на глубокое дно. При каждом его движении, сосна все больше раскачивалась сверху вниз, а позади раздавалось надрывное потрескивание рвущихся корней. Ломаемые им тонкие ветки, прощально кружась в паденье, таяли где-то далеко внизу. Но самое опасное таилось с приближением Павла к противоположному краю, где более тонкая вершина сосны, все больше прогибаясь под его тяжестью, могла не выдержать и сорваться в пропасть. Осторожно продвигаясь вперед, он подбадривал себя шуткой, что попасть в лапы разъяренного медведя немногим лучше самого долгого паденья. И когда уже под ним послышался угрожающий хруст ломающейся сосны, он успел ухватиться за край противоположной скалы, и тотчас почувствовал под ногами пугающую пустоту.

Сосна с отломленной вершиной, еще держась последними корнями за уступ, с размаху ударилась о свою скалу и рухнула вниз, тревожно махая в падении уцелевшими ветвями, будто еще силясь взлететь. Осиротевший уступ с каменной печалью сверху смотрел ей вслед.

Павел попытался подтянуться, но неожиданно большой кусок скалы покачнулся, и он повис над обрывом, беспомощно перебирая в воздухе ногами. До боли сжав на камне пальцы и из последних сил удерживаясь от паденья, он начал отчаянно карабкаться наверх, сперва используя скользкие по склону ноги, а после – навалившись на край скалы всем телом. С трудом выбравшись наверх, он ничком упал на холодный камень. Казалось, осколок скалы все еще продолжал переворачиваться вместе с ним в пропасть, а перед глазами, как в ускоренных кадрах, непрерывной каруселью мелькали куски неба, скалы и ущелья.

Из кратковременного забытья его вывел грозный рык медведя. Вскочив на ноги и взвевя курок, Павел оглядел незнакомую вершину скалы. Небольшую ровную площадку, на которой он находился, обступали беспорядочные каменные нагромождения, за каждым из которых мог прятаться медведь. Похоже, он попал в его потаенное логово. Увеличивая свободное пространство перед собой, Павел отошел на край площадки к одинокому кряжистому дереву, растущему перед самым обрывом, и застыл в напряженном ожидании зверя. Он понимал, что момент схватки настал, и теперь лишь изучающим взором вглядывался в каменные завалы, пытаясь предугадать, откуда последует нападение медведя. Но вокруг него слышалось лишь гнетущее завывание ветра меж застывших камней.

За одной из каменных глыб послышался подозрительный шорох и почти в тот же момент из-за нее с ревом выскочил медведь. Он быстро приближался к Павлу странными вихляющими движениями и мотая из стороны в сторону головой – не давал прицелиться. Трагическая развязка неотвратимо приближалась. Машинально сделав шаг назад, Павел прижался спиной к шершавому древесному стволу, выигрывая несколько мгновений для последнего выстрела. Расстояние между ними стремительно сокращалось. Перед самым столкновением, медведь, громоподобно взревев, вздыбился над Павлом во весь свой огромный рост. Нависая над ним черной горой, с раскрытой окровавленной пастью, он обнажил в свирепом оскале свои страшные клыки, и, обдав зловонным дыханием смерти, намеревался всей своей массой обрушиться на него с высоты. Этого мгновения Павлу хватило, чтобы произвести свой единственный выстрел, и, откинув в сторону ружье, он бросился вниз, между задними ногами зверя, чтобы не быть раздавленным в его железных объятиях.

В жестокой агонии, медведь, обхватив могучими лапами дерево, в неистовой ярости грыз ее древесную твердь, оставляя на ней кровавую пену, представляя в беспомощности, что это и есть его ненавистный враг. Но неукротимый дух уже покидал его тело; и, еще сопротивляясь неизбежному концу, он, медленно оседая под собственным весом, оставлял загнутыми когтями глубокие борозды на стволе несчастного дерева, как кожу, сдирая с нее кору.

Могучий гигант не в силах был вынести своего падения к ногам заклятого врага, ничего для него не могло быть ужаснее осознания такого конца. И над горными просторами раздался последний, полный невыносимой боли и тоски, прощальный рев медведя, обращенный уже к небесам. Невыносимо было видеть, как тяжело могучий дух покидает могучее тело.

Павел застыл, не в силах сдвинуться, от подобного зрелища с места, потрясенный до глубины души его драматичным финалом. Ему, почему-то казалось, что медведь погиб не от огнестрельной раны, а от душевной боли, или разрыва сердца. Перед ним неподвижно черной горой лежал поверженный монстр, обнимая застывшими лапами ободранный ствол. Лишь ветер над ним шевелил высокую крону, да орел все так же кружил над наступившим безмолвием.

Медведь с высоты обрыва все еще, казалось, всматривался в распростертые внизу лесные дали, теперь навеки прикованный пулей к скале. Павел подошел к нему и закрыл глаза. Медвежий дух всемогущ, поэтому медведь никогда не должен видеть, куда уйдет охотник, иначе его дух будет везде преследовать своего убийцу.

Павел, в раздумье, бродил по вершине скалы, замороженный открывшимися его взору ландшафтами. Он словно находился на границе двух миров: с одной стороны лежали бескрайние лесные дали, от размаха и просторов которых захватывало дух, а с другой – уходили в поднебесье величавые горные вершины с замысловатыми лабиринтами ущелий.

Все усиливающийся ветер прервал его размышления, обдав холодом наступающей ночи. К Павлу постепенно, после эйфории победы, пришло горькое осознание своего бедственного положения. Перед наступлением ночи он оставался без куртки на голой вершине скалы, пора возвращаться домой, но его жилище разрушено и все погребено под развалинами, а обратный путь, таил в себе опасную неизвестность.

Солнечный диск уже катился к закату, и небо, будто слоеный пирог, покрылось серыми полосами облаков вперемешку с тонкими бордовыми прослойками последних отсветов солнечных лучей. Павел еще раз внимательно обследовал вершину скалы, и, выбрав наиболее разрушенный ее склон, начал осторожно спускаться вниз по ее острым камням. Многие из них предательски шатались, грозя сорваться вместе с ним. Любое неосторожное движение сопровождалось обильным камнепадом.

Все вокруг все более погружалось во тьму. Солнечные лучи, скользя по вершинам гор, уже не достигали склонов. Благодаря своему горному опыту, Павел довольно быстро спускался вниз, используя малейшие выступы в скале, но склон становился все круче, и дальше стало невозможно спускаться, без риска сорваться в ущелье. Внизу под собой он заметил небольшую площадку, и, оценив до нее расстояние, стал разматывать веревку, которую по старой привычке наматывал на пояс вместо ремня, что не раз выручало его в самых непростых ситуациях в горах и в лесу, от связывания крупных животных до быстрого изготовления легкой хижины или плота. Для опытных таежников веревка являлась таким же необходимым атрибутом как спички и нож. Но даже всей ее длины не хватало до дна ущелья, а до спасительной площадки она должна была достать, и с нее станет, виден весь дальнейший спуск. Риск, конечно, был велик, что за площадкой может открыться отвесный обрыв, но другого варианта у Павла не было все равно. Так темнеющая бездна, словно страшное чудовище, поглощало его в себя. И он принял его вызов.

Связав на конце веревки петлю, он накинуд ее на наиболее крепкий выступ, и, натянув на себя, начал спуск. Когда его ноги коснулись твердой поверхности площадки, он отработанным движением пустил волну по веревке вверх, и она, соскочив с каменного уступа, послушно упала к его ногам. А вот надежда с площадки увидеть рельеф уходящего вниз склона, не оправдалась. Дальнейший спуск по-прежнему, был скрыт от него за склоном скалы, а ровная поверхность площадки не позволяла закрепить на ней веревку. Это было начало конца. Но было бы нелепо и несправедливо, победив в жестокой схватке медведя, теперь вот так, бессмысленно и беспричинно, сгинуть в каменном плену.

Павел стоял на узком карнизе над пропастью, прижавшись спиной к холодной скале, собираясь с духом перед своим смертельным трюком. Наконец, достав из-за пояса нож, он с силой вонзил его в расщелину, накинуд не него веревку и начал погружение в пропасть. Под его тяжестью веревка натянулась и звенела как струна. Павел всем телом чувствовал ее тревожную вибрацию; и – как рукоятка ножа все более склоняется – поэтому, насколько было возможно, он поддерживал себя за малейшие неровности на скале. После того, как он преодолел последний выступ, за ним открылся отвесный обрыв, тающий внизу в сумраке ущелья. С каждым движением Павел все более отдалялся от поверхности скалы, постепенно погружаясь в темную пустоту пропасти, как паук на паутине. Веревка уже заканчивалась, и, увидев в откосе скалы спасительную выщерблину, Павел сделал отчаянную попытку, раскачавшись, до нее дотянуться. Раздался сухой, как выстрел треск порванной тетивы, и, отчаянно размахивая в воздухе руками, как будто еще в надежде спасти свою жизнь, ухватившись за невидимую опору, Павел сорвался в зияющую бездну.

Падение длилось безнадежно долго. Рухнув на груды мелкой каменной осыпи у подножия скалы, и, кувыряясь, он скатился вниз по ее пологому склону, пока не застыл, неподвижно распластавшись на самом дне ущелья. Постепенно приходя в сознание, он еще долго боялся пошевелиться, опасаясь страшных переломов, пока ноющая боль в затекшем теле не стала совсем нестерпимой. Тяжело поднявшись, он сделал несколько первых трудных шагов. Все тело его саднило от ушибов, а голова гудела, как большой колокол, но, самое главное, переломов удалось избежать благодаря каменной насыпи, смягчившей удар при падении. Осматриваясь по сторонам, он пытался в сумерках определить, в какую сторону идти, чтобы окончательно не заблудиться в каменных лабиринтах. Между скал не было видно никакого просвета,

неприступно темнеющие горы окружали его со всех сторон. Не зная куда идти, Павел бес- сильно опустился на гладкий валун, и до его слуха из-под камней донеслось чуть слышное журчание ручья. Присев на колени, он обнаружил его прозрачную протоку, и, жадно припав к ней, напился обжигающе холодной воды из горного ключа. После чего, слепо двинулся по течению ручья, полагая, что вода с гор может течь только в направлении равнины. И вскоре за поворотом ему открылся долгожданный просвет, горящий бордовым отблеском заходящего солнца. Закат медленно таял, догорая как пламя Затухающего костра.

Невидимая реальность.

Выйдя к опушке леса, Павел медленно побрел вдоль берега реки к своей разрушенной избушке. Взошедшая полная луна освещала дорогу, а набегающий ветер трепал лохмотья порванной одежды, оголяя кровоточащие раны на теле. Павел, словно в бреду, шел по голому берегу, силой воли заставляя себя идти в поисках подходящего пристанища. Увидев впереди березовую рощицу, он из последних сил направился к ней. Зайдя в тень ее деревьев, он оторопело замер: на краю небольшой полянки виднелась чья-то палатка.

Спрятавшись за кустами, Павел прислушался. Внутри палатки отчетливо слышались какие-то странные шорохи и похрустывания, но никого вокруг не было видно, лишь налетающий ветер с шумом бил ее провисшие стены. Глядя на давно погасшее костровище, его осенила догадка, что он случайно набрел на оставленное пристанище Горелого. Кто же тогда находится внутри палатки? Он осторожно подошел к ней и заглянул вовнутрь. Никого там не увидел, но непонятные шорохи тут же стихли. Тогда, запалив лучину, он сам зашел с ней в палатку. Неожиданно какие-то мелкие зверюшки бросились мимо него наутек, в мгновение ока разбежавшись в разные стороны, а на полу среди клочков разорванной бумаги, виднелись остатки сухарей и рассыпанная повсюду крупа.

На всем лежала тень опустошения и разыгравшейся драмы. Он хотел быстрее покинуть злополучное место, с витающим над ним духом смерти, но Павел с горечью осознал, что идти ему некуда. Чтобы избавиться от тревожного чувства, он запалил большой костер на старом костровище. Победители всегда занимают места побежденных.

Пламя костра осветило небольшую полянку, густо окруженную березами и кустарником. Павел по достоинству оценил удачный выбор Горелого и стал обследовать его жилище в поисках спиртного для лечения телесных и душевных ран, но, к его изумлению, ни фляжки, ни бутылки с горячительным зельем ему найти не удалось. Удивленный и разочарованный, он нашел в одном из карманов куртки Горелого начатую пачку сигарет, аккуратно завернутую в целлофановый пакет. Павел не курил, но в безысходном желании успокоить щемящую боль, был рад и сигарете, не подозревая еще, что было там.

Сидя у костра и раскуривая сигарету, он вдруг почувствовал давно забытый запах ананаса, но ему было уже все равно. Уставшее и истерзанное тело требовало забвенья. Казалось, вместе с дымом он выдыхал из себя боли и печали, а костер перед ним разгорался все красочнее и ярче. Языки пламени в нем словно ожили. Извиваясь и изгибаясь, они танцевали, как прекрасные феи. Костер выпускал над собою сверкающие снопы искр, которые, увеличиваясь в размерах, превращались в блестящие шары, переливающиеся всеми цветами радуги и испускающие из себя неземное свечение.

Постепенно сияющие фейерверк заполнил все окружающее пространство, и, блистая многоцветными оттенками, как волшебный калейдоскоп, доставляя головокружительное ощущение блаженства и полета. Даже кружащая над огнем небольшая мошка, словно диковинная птица, привлекла к себе теперь восхищенное внимание Павла.

С каждым вздохом он и сам надувался как воздушный шар, его тело наполняла такая необыкновенная легкость, что ему захотелось полетать над огнем вместе с мошкой. Внимательно наблюдая за ее кружением, он вдруг почувствовал, как отрывается от земли и устремляется за нею вслед, раскинув руки, как крылья птицы. Деревья и кусты закружились вокруг него со все возрастающей скоростью. Павел ощущал непередаваемое блаженство свободного полета и азарта погони за мошкой, он уже различал впереди ее согнутые лапки и темное брюшко, стараясь на лету схватить ее за задние лапки. Неожиданно, преследуемая им мошка, начала быстро увеличиваться в размерах до гигантской летучей мыши, и, хищно скалив острые зубы,

уже сама черной тенью, устремилась в погоню за Павлом. Он с тревогой ощущал за своей спиной холодящее дуновение от взмахов ее крыльев и слышал пронзительный писк вампира.

Спасаясь от преследования, он стал в панике искать укрытия, и, увидев внизу у костра свое оставленное тело, стремительно вернулся в него, почувствовав резкую боль от падения с большой высоты. Мышь следом с разгона впилась зубами в его плечо, жадно вгрызаясь в тело. Павел отчаянно замахал на нее руками, и нехотя оторвавшись, он улетела, оставив после себя кровоточащую рану.

Сияющие шары над костром исчезли. На смену эйфории пришло гнетущее предчувствие опасности, как гигантский паук, оно незримо коконом паутины плотно окутывало Павла, лишая его возможности и воли к сопротивлению. Обездвиженный, лишенный сил и с угасающим сознанием, он обреченно сидел перед затухающим очагом в ожидании своей дальнейшей участи, в полуобморочном состоянии, безвольно наблюдая, как огромный паук завладевает его телом. Из тьмы на него в упор смотрели сотни его блестящих глаз.

Время от времени он еще делал слабые попытки освободиться от его смертельных пут, но бдительный паук тут же набрасывал на него новые липкие витки паутины, все более сдавливая грудь и стесняя дыхание, отчего все больше мутилось сознание и покидали последние силы.

Павел чувствовал, как острое жало паука пронзало тело, отравляя ядом разложения и высасывая кровь. И чем больше он чах и слабел, тем все более увеличивался в размерах паук, наливаясь его кровью. Уже слышалось в траве шуршанье тысяч мохнатых лап паучьего племени, спешащих к пленнику на запах крови. Дьявольским огнем горели из тьмы алчущие глаза вампиров.

Душа уже хотела покинуть захваченное вампирами тело, но в этот момент будто повеял легкий ветерок, листва на кустах с противоположной стороны поляны затрепетала, и оттуда вышел белесый призрак Горелого. Он был так же одет, как в роковой для себя день, но странным образом стал бесцветен и полупрозрачен, походя на туманный сгусток. Призрак зябко поеживался и мелко дрожал от смертельного холода, стараясь поглубже закутаться в свою короткую тужурку, на которую налипли опавшие листья и сырые комья земли. Стужей подземелья повеяло от него; словно спасаясь от жуткого холода могилы, он вылез из нее и пришел на свой прежний очаг погреться у огня. Его закрытые веки были скованы леденящим дыханием смерти, поэтому он не мог видеть Павла, сидящего на другой стороне костра. Зато Павел за языками пламени мог отчетливо видеть застывшее в предсмертной агонии бледное лицо призрака, от созерцания которого мурашки ползли по телу, что даже забылся на время зловещий паук, продолжающий высасывать кровь.

Призрак тянул свои озябшие руки к огню, и, будто постепенно отогреваясь у костра от смертельной стужи, вдруг, на глазах у Павла, начал материализовываться. Все более сгущался его туманный облик, а к лицу возвращались утраченные краски с бурыми пятнами крови. Обездвиженный Павел с немим ужасом наблюдал за подобным преображением призрака, еще даже не в силах себе представить того кошмара и реальной угрозы, что ему предстояло пережить.

Призрак неожиданно приблизил свои немощные руки к бледному лицу и задрожал в беззвучном рыдании. Очевидно, вместе с уплотняющейся плотью, к нему постепенно возвращались проблески разума, и от жуткого осознания своей горькой участи, без всякой надежды что-либо изменить, нестерпимо терзало остатки заблудшей души, уже познавшей суровые законы подземелья. Все худое тело Горелого зашло в жестоком приступе запоздалого раскаянья и отчаяния и бездарно промотанной жизни.

Внезапно воздух содрогнулся от налетевшего мощного порыва ветра, который срывал сухие листья с деревьев и разбрасывал горящие угли костра. Все вокруг закружилось в нарастающем хаотичном движении. Березы испуганно замахали тонкими ветвями, о чем-то тревожно шепчась между собой, будто предчувствуя приближение неведомой силы. Горемычный

призрак испуганно отдернул руки от лица, сомкнутые веки раскрылись, обнажив бесцветные белки – и он в упор уставился ими на Павла, обдав холодом потустороннего мира.

В этот момент налетевший, еще более сильный вихрь, сметающий все на своем пути, заставил его, с опаской озираясь по сторонам, подняться и бежать в лес, ища спасения в могиле, оставив Павла один на один с надвигающейся неизвестной угрозой, перед которой трепещет все – мертвое и живое. Даже луна на небе скрылась за рваными облаками; и поляна погрузилась в сумрак, чуть освещаемая слабыми бликами разбросанных углей.

Деревья дрогнули, и из-за них появился дышащий яростью дух убитого медведя. Он беззвучно ревел, вызывая ветер, и упрямо шел на человеческий запах в поисках Павла. Движимый сжигающим чувством неутоленной ярости, он уже ощущал его близкое присутствие, но не мог увидеть: его веки были закрыты и скованы смертью. Медвежий дух упорно кружил по поляне, размахивая лапами, и грозно ревел в приступе злобы, но вместо оглушительного рева от него теперь исходили шквальные порывы ветра, закручивающие карусели из сорванных листьев и пепла. Павел, ни жив, ни мертв, сидел у погасшего костровища, готовый от обуявшего его кошмара провалиться сквозь землю, в жутком предчувствии, что медведь скоро найдет его и заберет его душу, но не мог сдвинуться с места.

Призрак медведя все ближе приближался к Павлу, внезапно замер, и, усиленно втянув в себя воздух, наконец-то обнаружил своего врага. Торжествуя взревев, он повернулся в сторону Павла, и, поднявшись на дыбы, накинута с высоты на Павла.

Весь мир тотчас погрузился в безмолвие и мрак.

Туманный рассвет открыл печальное зрелище: почти что голые ветви застывших берез и поляну, которая была густо усыпана сорванной листвой, вперемежку с пеплом от разметанного костровища, у которого неподвижно лежал растерзанный человек. Казалось, жизнь покинула этот еще недавно живой уголок; и ветер занес его пеплом забвенья.

В тишине раздался слабый стон и Павел приоткрыл глаза. Окружающие его березы, покачиваясь, вдруг начали кружиться вокруг него, постепенно все ускоряя свой бег, а когда он, пытаясь собраться с силами, закрыл глаза, уже сама земля перевернулась под ним, и он полетел в разверзшуюся бездну, тщетно стараясь в последний момент перед паденьем ухватиться за траву. Но не успел он достигнуть самого дна, как земля неожиданно склонилась в обратную сторону, и он полетел туда. Так повторялось бесконечно, и Павел беспомощно катался по земле, сжимая в руках вырванную с корнем траву. Окончательно выбившись из сил, он забылся тяжелым, беспокойным сном, в котором продолжал падать со скал, бороться с медведем и мучительно медленно убегать от призраков. От чего у него судорогами сводило ноги и все тело. Ни в чем и нигде не было ему ни отдыха, ни покоя. Очнувшись, Павел заставил себя сесть, и, увидев неподалеку от себя брошенный ковшик с дождевой водой, жадно из него напился. Сознание и силы медленно возвращались к нему, но он еще не мог отделить вчерашнюю реальность от ирреальности ночи. Мысли с трудом прокручивались в его шумевшей голове, как маленькие жернова, неспешно перемалывая вчерашние события и виденья. Понятые и осознанные, они аккуратно, как пища для ума, засыпались в неведомые закрома сознания подобно мешкам с мукой в амбаре. Но до сих пор оставалась неразрешенной одна страшная вещь.

Огромный ядовитый паук продолжал прятаться в самых темных закоулках его сознания, скрываясь от света разума за плотной завесой паутины. Пытаясь избежать разоблачения, чудовище меняло облик, цвет, устрашающе щелкало челюстями и угрожало смертоносным жалом. Казалось, сам дьявол напряженно взирал оттуда тысячами черных глаз.

Павел не знал, как к нему подступиться, чтобы не запутаться в паутине и не быть отравленным ядом. Но и оставлять вампира у себя было смерти подобно, ведь он будет вновь и вновь под покровом ночи выползать из укрытия, чтобы отравляя ядом организм, питаться его кровью. Пока не наступит смерть.

Поэтому, собравшись с духом, Павел принял решение вступить с пауком в смертельную схватку. При этом он ясно понимал, что, только постигнув истинную суть этого многоликого монстра, можно одержать над ним победу. Необходимо было вбить осиновый кол в могилу этого оборотня, чтобы он больше уже никогда не восстал из ада, вершить зло на земле, питаясь человеческой кровью.

Для освещения закоулков сознания Павел зажег огонь свечи в своей душе и вступил на захваченные чудовищем владения. При свете огня его взору открылись ужасающие картины, которые он не мог бы себе представить даже в страшном сне. С помощью душевной силы он попал в сознание своего народа, среди омертвевших лабиринтов в плотных сетях паутины висели чьи-то погубленные мечты, потерянные надежды, отнятые жизни. Меж них бездушными тенями потерянно бродили обескровленные призраки с отравленным сознанием, забывшие свое прошлое, а потому не видящие будущего и обреченные находиться во власти паука до полного растворения в небытие.

Хотелось отвернуться, закрыть глаза, убежать, только чтобы не видеть этого кошмара безнадеги и страданий, но Павел ясно понимал, что это была его обитель, временно захваченная пауком, и, если отступить сейчас, то скоро чудовище доберется до него самого. Этой ночью оно уже сделало свою первую попытку, но он вовремя успел разгадать его планы. Поэтому, преодолевая отвращение и страх, Павел двинулся дальше, держа перед собой, словно икону, зажженную свечу своей души.

И внезапно случилось чудо – мрак начал рассеиваться, а седые лохмотья паутины сгорали в очистительном пламене огня, вместе с ядовитыми клубами дыма, выпуская своих пленников. Самые светлые мечты и надежды, очнувшись от заклятья, возвращались к своим оставленным призракам, у них открывались глаза, и, прозрев, они, воздевая руки к небу, дружно устремились к божественному свету.

Вокруг Павла рушились невидимые оковы; и жизнь возвращалась в заколдованное царство. Но успокаиваться ему было рано, ведь где-то во тьме скрывался еще сам злодей. Павел поднес свечу к самому темному месту, и, похолодев от ужаса, невольно отпрянул. На него оттуда в упор смотрел огромный черный паук, застывший перед прыжком.

Павел лишь на мгновение успел его опередить, в самый последний момент, осветив огнем своей свечи. Грозный паук неожиданно весь задрожал и рассыпался на тысячи мелких паучков, которые тут же бросились наутек во все стороны. Они проворно скрылись с глаз за границей обители еще до того, пока он что-либо успел предпринять, оставив после себя лишь рваную паутину и следы чужой отравленной крови.

Вернувшись из-под сознания на землю, Павел ясно понял, что только что он одержал победу над злодеем под названием наркотик, который манит в свои сети чудесными виденьями, а затем, чтобы удержать беспечную жертву в своей власти, до полного разрушения окутывает ее липкой паутиной обстоятельств, отравляет сознание и пугает страшными угрозами. Но его не покидало ощущение, что на самом деле он столкнулся с чем-то еще более коварным и зловещим.

Впрочем, все в этом мире подобно. От божественного до иного.

Павел развел огонь и выбросил в него пачку с анашой. И было странно наблюдать, как еще совсем недавно всемогущий властитель заблудших душ, теперь сам сгорая в синем пламени и корчась в предсмертных муках, испускает дух. Из грозного властелина превращаясь в зловонное облако густого сизого дыма, и, смешиваясь с клубами холодного осеннего тумана, уже больше никому не мог принести вреда.

Но провидению уже было известно, что жестокая битва с его старшим братом Павлу еще предстоит впереди. И в этой борьбе, кроме силы духа и ума, от него потребуются твердость действий и крепость руки. Для божественного правосудия на Земле.

Погруженный в раздумья, сидел Павел перед вновь зажженным огнем, изредка помешивая палкой горящие угли. Он победил своих врагов; и пламя костра вновь весело танцевало перед ним свой магический танец. Но странная грусть отражалась в его глазах, и маска печали лежала на красивом лице.

Ведь все еще осталось неразгаданной самая главная тайна. Какая злая сила закрыла над его Родиной божественное солнце добра, справедливости и счастья, окутав ее своей дьявольской паутиной всеобщей наживы и лжи, сквозь которую не пробиться солнечному свету. Только слышен во тьме шелест банкнот в мохнатых лапах среди плача, стонов и проклятий.

Да ходит всюду страшная старуха – смерть, кося своей длинной косой всех без разбору – молодых и старых. Кто-то на радостях уже справляет черную мессу, а кто-то спешит отгулять свой последний шабаш. Поэтому, если не таким как он спасать свою Родину – мать, то кому?

Во время отъезда Павла в тайгу, кто-то решил, что он отступил перед трудностями «новой» жизни, а он просто видел кругом кем-то грамотно расставленные капканы и скрылся в глуши родной природы, которая не предаст и не выдаст своего сына. Чтобы под сенью ее могучих крон набраться сил и понять, что за чума пришла в Россию, сея всюду смерть, вражду и разруху. Он ушел в тайгу в поисках Бога, но ведь Бог един, но в тайге он стал другим.

И тайга щедро делилась с ним своей исконной мудростью, открывала ему сокровенные тайны. Они общались на одном языке, и Павлу был понятен ее первозданный Глас. Здесь ото-всюду с небес и земли, в шелесте листьев и журчании рек, сиянии солнца и звезд, ему слышался незримый голос Создателя. То, что в суете и грохоте пыльных городов казалось важным и значимым, здесь отлетало, как ненужная шелуха, обнажая истинную суть вещей и бытия.

Утренний туман окончательно опустился росой на траву; и первые лучи солнца озолотили остатки желтых листьев на тонких ветвях берез, которые теперь дружески махали Павлу, как старому знакомому, пережившему вместе с ними ненастье. Небо над его головой сделалось бездонно-голубым. Погожий осенний день безраздельно вступал в свои права.

Как-то само собой пришла на ум заманчивая мысль об утиной охоте, а желудок при этом сразу напомнил о себе ноющей пустотой. Пошарив в палатке, Павел обнаружил в ней несколько банок тушенки, там же найденным ножом, он вскрыл одну из них и с аппетитом съел, как будто это была его первая дичь.

Силы быстро возвращались в молодое тренированное тело, и, с удовольствием ополоснувшись в холодной реке, Павел пошел по ее берегу к своей разрушенной избушке. Нужно было успеть достать из-под ее развалин свои вещи, пока сюда не нагрянули в поисках Горелого его дружки. Для их достойной встречи, ружье было с собой, а вот патроны остались погребены там, вместе с золотом и остальными вещами.

С тяжелым сердцем подходил Павел к своему разрушенному жилищу, и с угрюмым видом остановился перед ним в печальном созерцании руин. Еще совсем недавно дававшая ему приют и кров, обитель сейчас представляла собой удручающее зрелище. Сухие клочья мхов, выпотрошенные из щелей, лохмотьями дрожали на ветру, как содранная кожа, а почерневшие и потрескавшиеся бревна со следами медвежьих когтей, были беспорядочно навалены в кучу. И только одиноко выступающая над завалом тонкая доска с перекладиной на конце, застыла, будто крест над заброшенной могилой.

Из печальных раздумий его вывел радостный лай Лешего, который серым облаком несся к нему из леса. Не скрывая своих чувств, они бросились в объятия друг другу. Глаза Павла взволнованно заблестели, и его лицо впервые за последние дни, тронула улыбка, а чувства Лешего невозможно было передать словами, они просто рвались наружу из самой глубины его собачьего сердца. Они как будто не виделись целую вечность, и, наконец, снова были вместе. Вдвоем им теперь никто не был страшен даже в самой глухой тайге.

Павел одновременно ругал себя за неосмотрительность, чуть не стоившей ему жизни, и осознавал, что ему было необходимо один на один сразиться с медведем, чтобы в дальнейшем жить в ладу с самим собой. Иного выбора было ему не дано, но толи еще ждало его впереди!

Провидение еще не раз поставит перед ним гораздо более суровый выбор, будто проверяя на прочность или закаляя волю перед грядущими испытаниями на пороге новой эры. Каким-то необъяснимым образом, даже находясь один на один с собой, Павел неотступно чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, словно кто-то большой и невидимый изучающе вглядывался в его мысли, душу и сердце, определяя высоту его помыслов, что для него являлось более важным: сиюминутный покой и земные желанья или духовный взлет? И Павел старался как можно более честно и достойно нести перед небесным недремлющим оком свою миссию на земле. Раз уж выбрал то, что требовала его душа.

Солнце все выше поднималось над горизонтом, прогревая землю мягкими осенними лучами. Леший стал нетерпеливо поглядывать в сторону мокрых лугов, откуда слышался заманчивый гомон тысяч птичьих голосов, собирающихся на озерах в большие стаи птиц для отлета на юг.

Перед тем, как отправиться на охоту, Павел взялся разбирать завал разрушенной избушки. Повинуясь его натужным усилиям, бревна с тревожным скрипом подавались в разные стороны, постепенно обнажая внутреннюю часть. Он аккуратно раскладывал их в стопки, в надежде еще восстановить порушенное жилище, ведь самое главное – железная печурка осталась цела. Более того, именно она удержала на себе наваленные над Павлом бревна, чем уберегла его от полного и окончательного погребенья. Так открылась загадка его чудесного спасенья из-под завала – очаг, в котором горел огонь.

Достав свои вещи и переодевшись, Павел нацепил на пояс полный патронташ и вновь почувствовал себя готовым к любым испытаниям. Рюкзак с золотом он отнес к скале у старого племенного костровища, и, засунув его с обратной стороны в глубокую расщелину среди мхов, шутливо попросил всемогущего бога Ямбуха охранять золото до своего возвращения, не подозревая к каким трагическим последствиям вскоре это приведет, когда сюда нагрянет в поисках Горелого банда Гарри Бешенного.

Могучие духи просьбы друзей исполняют всерьез. Тем более, что ни о чем не подозревающий Павел, совершенно случайно положил рюкзак в священное место, предназначенное для подношений великому духу, который не привык ни с кем делить своих даров. Тем самым, Павел непреднамеренно совершил великое святотатство, передав ценности одного великого духа другому, и чуть было не столкнув между собой всемогущих Ахтубу и Ямбуха, властелинов и повелителей гор и равнин. Таким образом, цепочка дальнейших непредсказуемых мистических событий была непоправимо запущена им, вопреки его воле и сознанию.

Утиная охота.

Павел взошел на высокий берег, обозревая с него места для предстоящей утиной охоты. Пред ним простиралась холмистая долина с манящими гладями озер, которые окружали рощицы белоствольных берез, словно стайки белоснежных лебедей, опустившихся на родные берега перед дальней дорогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.